

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

МАРИНА АНДРЕЕВА

ФАКУЛЬТЕТ
МЕНТАЛИСТИКИ

Annotation

Сессия подходит к концу, впереди последний экзамен и поездка с подружками в Испанию. Жизнь прекрасна?! Ага, размечталась. Да здравствует новый мир и... подготовка к поступлению в очередной вуз, а иначе... замуж неведомо за кого! И это всего лишь цветочки, ягодки начались в универе, на практике по менталистике...

Марина Андреева

Факультет менталистики

© М. Андреева, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Нежданные перемены

Сессия — это зло! Вот как сейчас — весна, солнышко за окном, а я как проклятая должна корпеть над учебниками. Голова дымится от обилия впихиваемых в нее знаний, которые словно по волшебству выветриваются сразу же после сдачи экзамена. И были бы предметы толковые, а то... Вот спрашивается, на кой ляд мне, будущему специалисту в области экономики, нужна философия? Мать наук, блин. Но главное — я ее все же сдала! А значит, сегодня могу расслабиться. Остался еще один экзамен, и мы с подружками улетим в Испанию на целый месяц! Одни! Без родителей...

Вот так, витая в мечтах о первой в моей жизни самостоятельной поездке, распахиваю дверь в квартиру и... замираю на пороге. Родители в это время должны быть на работе. Но нет — из их комнаты доносится какая-то волнующая мелодия, и это странно.

Сумка с уже ненужными конспектами с моей легкой подачи приземляется на тумбочку, новые туфли, успевшие натереть ноги, улетают куда-то в угол. В такие вот моменты и ощущаешь в полной мере, как мало порой человеку надо для счастья. Ничего не давит, не жмет, напольная кафельная плитка приятно холодит ступни. Шлепаю в сторону родительской двери. Распахиваю и вновь замираю как вкопанная.

Нет, я еще могу хоть как-то принять тот факт, что мама могла рано освободиться, но вечно пропадающий в офисе отец? И что это за странный тип целует маме ручку?

— Э-э-э... Всем привет!

— О! — восклицает буквально лучащаяся счастьем мама. — Как хорошо, что ты уже пришла! У нас столько дел! Нужно собрать вещи, надо...

Она все говорит и говорит, а я ощущаю, что вот-вот произойдет нечто непоправимое. Почему вечно ревнивый отец совершенно не обращает внимания на то, что этот странный незнакомец проявляет внимание по отношению к маме? Неужели все уже решено? Неужели, как и многие вокруг, разведутся? Это невозможно! Они любят друг друга!

Гость в очередной раз облобызал мамину ручку, взглянул на пребывающего в прострации отца и направился ко мне. Приблизившись, остановился, как-то покиношному слегка склонил голову, коснувшись правой рукой края широкополой шляпы, и... указал взглядом на дверь. Ах вот оно что! Выйти ему, видите ли, надо. Ну да ладно, пусть чешет на все четыре стороны. Отхожу в сторону, освобождая проход, краем глаза замечая, что незнакомец, вместо того чтобы направиться к выходу, по-хозяйски прошествовал на кухню.

А у меня до сих пор перед мысленным взором стоят его глаза. Странные, как и весь его облик. Какие-то смеющиеся или просто самодовольные? Не поняла. Но цвет! Насыщенно-зеленый, с ярко-голубыми вкраплениями, смотришь в них и будто в теплую морскую воду окунаешься...

— Бр-р-р... — встряхнула я головой, прогоняя наваждение.

Да что ж это происходит-то? Нет, я, конечно же, слышала, что многих женщин после определенного возраста начинает тянуть к мужчинам помоложе, но чтобы моя мама? Эффектен, с этим не поспоришь. Лет тридцати. Неплохо сложен, правильные черты лица, завораживающий взгляд, плюс этот стильный прикид... Темно-коричневые брюки, заправленные в высокие замшевые сапоги, легкая шелковая рубашка нежно-зеленого цвета.

Широкий пояс наподобие кушака, напоминающий фильмы про пиратов Карибского моря с Джонни Деппом в главной роли. Длинные русые волосы собраны в низкий хвост, а чего стоит эта шляпа?

А мама тем временем все щебечет. О том, что теперь все будет хорошо, что мы вернемся домой, что теперь нас ничто здесь не держит. Говорит, что безумно счастлива и даже не чаяла, что этот день когда-нибудь наступит... Но никакой конкретики: какой такой этот день? Чем он отличен от других? Куда мы вернемся? О каком вообще доме идет речь, если мы и так дома?

— Мам, а конкретнее можно? — пытаюсь перебить ее я. — Что произошло? Куда мы собираемся? И когда?

Реакция ее была неожиданной: взглянула на меня сияющими глазами, будто только заметила, всплеснула руками, подскочила и обняла, поглаживая по волосам. Нет, мы, конечно же, были очень дружной семьей в отличие от большинства моих знакомых, вот только таких порывов за мамой я что-то не припомню.

— Не спрашивай, доченька, — говорит. — Завтра все узнаешь. А то будешь вон как отец.

— Постой! Какое завтра? Но как же учеба? У меня же еще один экзамен впереди. И поездка... — освободившись из ее объятий, я отстранилась, пытаюсь хоть что-то прочитывать на ее лице. Увы, ничего, кроме странно блуждающего взгляда лучащихся счастьем глаз и улыбки на губах, я не увидела.

— Ой, — как-то беззаботно отмахнулась она. — Суета сует. Забудь, — продолжала сиять мама. — А сейчас собери все необходимые и дорогие тебе вещи.

— К-как это забудь? — уставилась я на нее.

— Мы сюда не вернемся, — бросила коротко мать и, что-то напевая себе под нос, принялась перебирать вещи в одном из ящичков комода.

— Что значит — не вернемся? — сама такого от себя не ожидая, вспыхнула я. — А моим мнением кто-нибудь поинтересовался? Я уже взрослый человек, у которого есть свои мечты, и планы, и... — слова как-то вдруг иссякли.

— Это не обсуждается, Лиса, — даже не взглянув в мою сторону, неожиданно твердым тоном произнесла мать. — Иди собирай вещи, — добавила она и тут продолжила напевать как ни в чем не бывало.

Шок? Не-е-ет... В смысле, нет таких слов, которые смогли бы описать мое состояние. Но судя по маминому счастливому и совершенно спокойному виду — это не шутка. Вот только когда на нее наваливается желание казаться таинственной, выпрашивать что-либо бесполезно — все равно не ответит.

Э, нет! Так дело не пойдет. Оборачиваюсь к отцу.

— Пап? Может, ты объяснишь?

Тот лишь рукой махнул, буркнув что-то типа: «Сам ни черта не понимаю», — встал и поковылял на кухню. И в этот момент его осанка, походка, выражение лица меня напугали. Передо мной был не крепкий, здоровый и уверенный в себе сорокапятилетний преуспевающий бизнесмен и глава нашего дружного семейства, это был какой-то чужой, жутко одинокий и подавленный старик.

Задержалась я в комнате не более чем на минуту. Желание разобраться в ситуации грозило спалить мой взбудораженный обилием непонятностей разум. И тут меня осенило: пусть мама не желает ничего объяснять, витая в непонятных грезах о неведомом, пусть и недалеко будущем, а отец пребывает в полной растерянности, но этот незнакомец должен

что-то знать! Не зря же он именно сейчас очутился в нашем доме! И в том, что он еще не ушел, я уверена на все сто, ведь входная дверь почти все время была на виду, да и доводчик там слишком мощный, закрыть ее тихо практически невозможно.

Преисполненная решимости разобраться в сложившейся ситуации, влетаю на кухню, где вновь впадаю в ступор — незнакомца здесь нет! Вышла, прошла по коридору, заглядывая во все двери. Куда он делся?словно сквозь землю провалился! Но ведь так не бывает, чтобы человек из квартиры не выходил и в то же время его там не было.

Вернувшись на кухню, уселась за стол напротив отца. Сидим. Молчим. Его взгляд уперся куда-то в столешницу. В одной руке — пузатенький бокал, судя по стоящей рядом початой бутылке — с коньяком, в другой дымится сигарета, с которой вот-вот упадет пепел. А ведь он не курит! Вернее, крайне редко. То есть только тогда, когда происходит что-то совсем уж из ряда вон выходящее.

— Па-а-ап? — почему-то шепотом позвала я, но он даже не отреагировал. — У тебя проблемы на работе? — предполагаю я, но он в ответ лишь головой едва заметно покачал, мол, нет.

Может, не хочет говорить, чтобы не переживала? Не исключено, конечно, но... Что же тогда случилось? Сбивает с толку мамино не то что спокойствие — она явно счастлива! А ведь они с отцом друг в друге души не чают. Вариант того, что она радуется какому-нибудь его провалу, отпадает сразу по двум причинам: во-первых, ей подобное ехидство априори не свойственно, во-вторых, папины проблемы она всегда переживает как свои собственные. Тогда что же произошло? И что это за мужик был? Куда он пропал?..

— Па-а-ап... — без особой надежды на реакцию еще раз позвала я, но он даже не шелохнулся в ответ, потом внезапно очнулся, заозирался по сторонам, схватил мобильный, набрал чей-то номер.

— Степан, здравствуй. Да, нормально. Уехать надо срочно. Да, надолго. Генеральная доверенность еще действительна? Угу... Подъезжайте-ка с юристом ко мне. Да, на квартиру. Пусть подготовит. Срок? Года на три. Нет, я в своем уме. Если смогу, вернусь раньше. Не выпендривайся, справишься. Десять процентов акций тебя устроят? Вот видишь, все зависит от мотивации...

Дослушивать я не стала: если отец окунулся в дела, то теперь до него тем более не достучаться. Мама тоже неожиданно резко реагирует на попытки докопаться до истины. Буду настаивать — переругаемся. Раньше такого не случалось, но все бывает в первый раз. Оно мне надо? Может, все не так и фатально? Просто все на эмоциях в связи с какими-то переменами.

Если вопрос встанет ребром: уезжать с ними или остаться здесь одной, — что я выберу? Можно сколько угодно разводить браваду и кричать о том, что я взрослый самостоятельный человек, но я никогда не уезжала из дома больше чем на два дня и просто-напросто не представляю свою жизнь без них. А вдруг они укатят куда-нибудь в Америку? Как часто мы сможем видеться? Достаточно ли будет общения через скайп или по телефону? Что-то не уверена я. И вообще, что меня здесь держит? Институт? Так всего-то несколько лет отучилась, поступлю еще куда-нибудь. Парня у меня нет. Подруги? Те, по кому скучаю, и так далеко, а остальные...

Так, в размышлениях, и добрела до своей комнаты, плюхнулась в кресло и задумалась на новую тему: что мне нужно и что дорого? Если мы сюда не вернемся, то... хочется забрать все!

Не моя вина в том, что едва ли не каждая вещь является памятной. Не могу я вычеркнуть из своей жизни воспоминания. Есть такие люди, которые с легкостью расстаются с вещами, но эта песня явно не про меня. Ведь эту мягкую игрушку подарила мне на память подруга как раз накануне отъезда ее семьи в Штаты семь лет назад. А эту шкатулку мы с ней же закапывали в парке под нашим любимым деревом, договорившись на двадцатилетие, а у нас день рождения в один день, достать ее и прочесть свои желания десятилетней давности. Она так и не смогла приехать, но я не забыла обещания и теперь храню шкатулочку как память о нашем детстве...

Вскоре все имеющиеся у меня в наличии сумочки, рюкзаки и чемоданчики оказались заполнены. Закончив со сборами, вышла на кухню. Отец по-прежнему сидел за столом. Содержимое бутылки уполовинилось, пепельница заполнилась бычками. Из их с мамой комнаты доносилась какая-то приятная мелодия, а возле посудомоечной машины скопилась кучка грязной посуды, что вообще для нашего дома было великой невидалью. Сначала я настолько была шокирована, что даже не обратила внимания на это.

Налив себе чаю, накромсала бутербродов и уселась напротив отца, который меня будто бы не замечал даже.

— Па-а-а, что происходит? — решила я вновь попытать счастья.

— Трындец, — отвечает. — Полный трындец.

М-да уж. Весьма информативно, ничего не скажешь. Дожевав остатки, поставила кружку в раковину, добавив еще один штрих в картину царящего на кухне беспорядка, и поплелась к себе.

Все это действительно странно. Ведь папа весьма преуспевающий бизнесмен, и нужды в деньгах нет, но мать все равно работает. И не в какой-нибудь научной или экономической области, а приходящей уборщицей! Ну или домработницей, если для кого-то это слово звучит приятнее, хотя сути это не меняет.

Отец нередко краснеет перед коллегами по бизнесу, когда всплывает эта неприглядная сторона нашей семейной жизни. Я выкручиваюсь перед друзьями и вру по-черному, лишь бы не говорить правды. И — да, мне стыдно. По-моему, это работа для не имеющих образования приезжих или желающих разжиться лишней копеечкой пенсионеров. Но мы не нуждаемся в деньгах! И папины связи позволяют ей занять любую должность в ряде крупнейших компаний города, но мама не желает даже слышать о смене сферы деятельности.

Что удивительно, она умудряется не только обслуживать больше десяти весьма состоятельных семей, имеющих в своем распоряжении нехилые хоромы, но и содержит в идеальном порядке нашу двухсотпятидесятиметровую квартиру! Да еще успевает приготовить завтрак, обед и ужин, и... никакой усталости! Откуда у нее столько сил и энергии? Прямо как тот зайчик из рекламы батареек. Я в свои двадцать и половину такой нагрузки не выдержала бы. Да что там половину? Мне бы четвертой части хватило, чтобы после первого же дня трудов праведных благополучно склеить ласты, даже не доползая до родного дома.

А главное, что в свои, пусть и неполные, сорок пять она прекрасно выглядит! Идеальная фигура, миловидное личико двадцатилетней девчонки с горящими энтузиазмом ярко-зелеными глазами, шикарная грива шелковистых каштановых волос без единой седины. Когда мы выходим вместе на улицу, с нами парни норовят познакомиться. Им и в голову не приходит, что мы мать и дочь. В этом плане я ей искренне завидую, на что мама отмахивается — мол, это наследственное, и я буду выглядеть так же. Хотелось бы верить. Жаль, что ни бабушку, ни дедушку по ее линии я так никогда и не видела. Почему-то у мамы

даже фотографий их нет.

Когда чего-то ждешь, время, как назло, тянется мучительно долго. Вот и маюсь, не находя себе места в непривычно опустевшей комнате. Нет больше фотографий на стене, и все фигурки, еще недавно стоявшие на полочках, теперь затаились где-то в недрах одной из сумок. Ноутбук, диктофон... Без всех этих мелочей комната потеряла жилой вид, будто стоишь в мебельном магазине, все вроде и расставлено гармонично, а чего-то не хватает. Музыку бы послушать или книжку почитать, но все упаковано. Руки так и тянутся к телефону. Так и подмывает позвонить подругам, попрощаться. Но что им сказать? Куда мы собираемся? Почему столь поспешно?..

Ночью никак не могла заснуть. О каком сне может идти речь, если вокруг сплошные непонятки и голова разваливается от всевозможных догадок и предположений? Хочется пить, но, как назло, к отцу кто-то пришел, и они, вопреки обыкновению, не заперлись в кабинете, а расположились на кухне. Устав ждать, решила налить себе чаю. Выхожу из комнаты, и слух улавливает обрывок фразы:

— ...Дарственную с отсрочкой в десять... нет, в пятнадцать лет, — услышала я голос отца и даже споткнулась на ровном месте.

Ничего не понимаю. Если мы уезжаем навсегда или на столь долгий срок, то не проще ли ее продать или сдать, в конце концов? Денег у нас достаточно, конечно, но лишние-то не помешают...

— А что с ней будет до тех пор? — донесся до меня голос папиного товарища, по совместительству являющегося его партнером по бизнесу.

— Пусть стоит. Думаю, ты в состоянии оплачивать коммунальные платежи за счет тех десяти процентов акций? — как-то хрипловато отозвался отец.

— Да уж, умеешь ты убедить, — отозвался гость. — Ты уверен, что с тобой невозможно будет связаться? Я к тому... что делать, если доверенность истечет, а ты не появишься?

Заставив меня вздрогнуть от неожиданности, дверь родительской комнаты слегка приоткрылась. Боясь, что мама застанет меня за подслушиванием, я прошмыгнула в туалет. Здесь, как оказалось, слышимость была еще лучше, нежели в коридоре.

— Ой, не смейся, — отозвался тем временем отец. — Не мне тебя учить, как дела делаются. Вон с Иванычем новую состряпаете и заверите за меня. Надеюсь, обойдется без подстав.

— А долю твою куда?

— Как всегда — на счет в банке, — ответил отец. — Хватит уже лясы точить, оформляй, Иваныч, да пора вам и честь знать. Без обид, но мне еще собираться надо.

Дальнейшее меня уже не особо интересовало. Для приличия нажав на смыв, я с самым честным выражением лица зашла на кухню и, поздоровавшись с притихшими при моем появлении гостями, щелкнула кнопкой электрочайника, одновременно незаметно оглядываясь по сторонам.

Что удивительно, ничто не напоминало о минувшем беспорядке. Видимо, мама все же выкроила время и убралась. Вот только на столе все так же стояли почти пустая бутылка и полная бычков пепельница, вокруг которых возвышались целые кипы каких-то бумаг.

Налив в свою любимую кружечку чай, пошла к себе. Кстати, надо ее тоже забрать. Итак, что все это может означать? Отец сказал, что с ним нельзя будет связаться. И он не продает квартиру, а отписывает на нее дарственную, пусть и хитрую, согласно которой право собственности перейдет к новому владельцу лишь через пятнадцать лет. Да еще и десять

процентов акций их компании отлистал своему компаньону с кажущейся легкостью. То есть там, куда мы едем, деньги вообще не нужны будут?

До утра так и прокрутилась в кровати, думая, думая и еще раз думая, но так ничего и не поняла. В итоге самочувствие было препротивнейшее: голова болит, все бесит, еще и осознание того, что вот-вот узнаю нечто очень важное, не дает покоя.

— Лиска, — позвала заглянувшая в мою комнату мама. — Все свои вещи в гостевую переноси.

Вообще-то меня Алесей зовут, вернее, по паспорту Алесандрой, но мама с детства кличет меня Лисенком на разные лады. Так и хочется съязвить на тему: «Зачем тащить чемоданы в гостевую, если потом придется их обратно в коридор волочить?» Но ругаться не хотелось, да и просто-напросто не было сил. Ну и ладно, надеюсь, скоро все непонятки, от которых мозг уже закипать начинает, закончатся и все встанет на свои места.

И вот все наше немногочисленное семейство в сборе. Отец, несмотря на ночную попойку, абсолютно трезв, но по-прежнему не особо-то реагирует на что-либо, явно пребывая в крайней степени растерянности, странно, что с ночными посетителями он общался вполне нормально. Мама мечется от чемодана к чемодану, прицепляя к ним картонные бирки с нарисованными на них фломастером буквами, судя по всему, обозначающими наши имена.

Когда стрелки на часах достигли ровно девяти часов, в комнате раздался хлопок, и... я протерла глаза, надеясь избавиться от наваждения, но, увы, ничего не изменилось: посреди гостевой стоял тот самый мужик, что вчера лобызал мамины ручки.

— Вы готовы, фаам Йола? — бросив мимолетный взгляд на нас с отцом и слегка поклонившись матери, поинтересовался неведомо откуда появившийся гость, а я озадаченно уставилась на маму.

— Фаам? — повторила я непонятное для меня обращение.

— Да, — так же слегка склонив голову в ответ, молвила мать, и было видно, что она сгорает от нетерпения, в мою сторону она лишь махнула рукой, мол, все потом.

Незнакомец произнес какое-то странное слово, щелкнул пальцами, и... весь мир пришел в движение. Перед глазами вспыхнули, ослепив, миллиарды разноцветных искр. Я потеряла равновесие, начав куда-то падать, и вдруг пришло ощущение невесомости. Кажется, я кричала. Да и кто бы на моем месте молчал? Это только в кино все, в кого пальцем ни ткни, — герои, способные любые неожиданные повороты в своей судьбе переносить скрепя сердце и стиснув зубы.

Казалось, эта невероятная круговерть никогда не закончится. Пришлось зажмуриться, чтобы не видеть всего этого. Жаль, что все остальные ощущения отключить нельзя. Сколько времени прошло: миг или час? На это я ответить при всем желании не смогла бы. Меня откровенно мутило, голова кружилась, еще мгновение, и завтрак нашел бы выход, но... чья-то рука заботливо подхватила мое неожиданно ставшее весомым тело, и я наконец-то решила открыть глаза.

Мы, всей семьей, ну и поддерживающий меня под руку незнакомец, который, конечно же, никуда не делся, очутились в просторном зале... какого-то замка. Почему замка? Да потому, что ничем иным это не могло быть: огромное помещение, квадратов на сто, наверное, покрытые изящной лепниной потолки, уходящие метров на десять в высоту, свисающие оттуда канделябры с хрустальными подвесками, картины и гобелены на стенах и полное отсутствие какой-либо мебели. Эдакий бальный зал. По крайней мере, памятуя о

посещенных некогда музеях, я именно так их и представляла.

Не успела я осмотреться, как створки высоких дверей распахнулись, и в зал буквально впорхнула... мамина копия! Вот только одета она была, мягко говоря, непривычно: в длинное пурпурное платье в пол с довольно откровенным декольте и, судя по осиной талии, с корсетом. Шикарная грива каштановых волос собрана в обычный конский хвост, изящные ручки прижаты к губам, в ярко-зеленых глазах светится счастье и поблескивают слезы... странное сочетание, но здесь вообще все странное, как и наше появление. Я даже ущипнула себя, стараясь убедиться в том, что не сплю.

— Мама! — воскликнула моя мать, бросаясь навстречу столь похожей на нее незнакомке.

— Упс... — только и смогла выдавить я.

Вот эта девушка — моя бабуля?! Мамины слова о наследственности — не пустой звук...

Женщины, ничего и никого вокруг не замечая, обнимаются, плачут, что-то приглушенно рассказывая друг другу. Очевидно, они рады воссоединению. Но, черт побери, где мы? Почему мама никогда не рассказывала о бабушке, о замке, где бабуля ведет себя как хозяйка. И... вообще, это явно не Земля. Значит, рассказы фантастов не вымысел? Иные миры существуют?..

Мы с растеряннo озирающимся по сторонам отцом были предоставлены сами себе. Словно ища поддержки, я отошла от незнакомца и вцепилась в папину руку. Все было слишком нереально, а он... такой привычный, такой родной в своем безупречном деловом костюме и до блеска начищенных ботинках.

— Ах... — наконец-то отстранившись от хозяйки замка, воскликнула мама и, словно бы только сейчас вспомнив о том, что они здесь не одни, повернулась к нам: — Познакомься, это мой супруг Константин Ливонский...

— Очень приятно, — слегка склонила голову женщина. — Мой дом — ваш дом. Ваша фамилия говорит о благородстве рода, и я рада, что моя дочь нашла достойного избранника. Хотелось бы узнать ваш титул...

Стоит сказать, отец был явно смущен и растерялся, не найдясь, что ответить в подобной ситуации. Непривычно было видеть его в таком состоянии.

— Матушка, в том мире титулы уже давно канули в Лету, — беззаботно отмахнулась мама. — А это наша дочь, Алеся, вернее — Алесандра, — продолжила представлять свое семейство она.

— Что же ты стоишь как неродная? Подойди поближе, мое очаровательное дитя, — грациозно протянув в мою сторону руки, словно приглашая в объятия, молвила женщина.

— Ну, а это моя мама, герцогиня Руана Лорентайн... — завершила знакомство мама.

И да, к этому моменту я уже очутилась в объятиях неимоверно молодой бабули. Ее прикосновения были полны нежности, а приятный цветочный аромат духов слегка кружил голову.

Моя мама из другого мира, а бабушка ни много ни мало герцогиня! Кому рассказать — не поверят же! И тут же стало грустно. Наконец-то до меня дошел смысл слов: «Мы обратно никогда не вернемся...» Нет, о поездке в Испанию я не то чтобы напрочь позабыла, просто теперь прекрасно осознала, что здесь меня ждет куда большее количество интересных и увлекательных открытий. Благо в личной жизни у меня был полный штиль, хотя бы от расставания с любимым не придется убиваться, а вот подруги... О них теперь осталась лишь память в виде тех самых вещичек, которые я забрала с собой.

— Леон, — обратилась бабуля к стоящему в сторонке мужчине, который и привел нас сюда. — Распорядитесь, чтобы вещи доставили в отведенные нашим гостям комнаты. А вы, мои дорогие, наверное, хотели бы осмотреться? — окинув взглядом нашу семейку, предположила она.

Ну что тут скажешь? Интересно — да. Вот только папа по-прежнему ни на что не реагирует. Видимо, мой мозг, с самого детства впитавший в себя тысячи фильмов и книг о попаданцах в параллельные и прочие миры, оказался более подготовлен, нежели сознание консервативного и прагматичного отца, который никак не мог прийти в себя от шока.

Мимо нас, суетясь, сновала прислуга, а мы следовали за гостеприимной хозяйкой, устроившей нам экскурсию по замку. Ну что тут скажешь? Она оказалась превосходной рассказчицей. По сравнению с ней экскурсоводы земных музеев нервно курили в сторонке. Я, затаив дыхание, слушала о самых разных событиях из жизни представителей их... тьфу ты, нашего рода. И да, теперь я узнала, что «фаам» — это местный аналог наших земных «госпожа», «сеньора», «мадам», в общем, так обращаются к замужним или явно пожилым женщинам, к девушкам же — «фиета».

Да, замок действительно оказался достоин внимания: он был огромен и невероятно прекрасен. Ни один зал не был похож на другой. Герцогиня то и дело останавливала нашу процессию около картин, а иногда возле совершенно неприметных мест, где когда-либо происходили те или иные попавшие в семейную историю происшествия. Были среди них и печальные, и забавные.

Я нет-нет да и норовила выглянуть в окно. Очень уж интересно, какая здесь природа? К счастью, никаких психоделических фиолетовых листьев на деревьях и розовой травы здесь не было. Вокруг простиралась парковая зона с вполне привычными взору деревьями, очень похожими на земные. Зеленая травка ровным ковром устилала газоны. То тут, то там разбросаны клумбы с пестрыми цветами, которые не удавалось рассмотреть с такого расстояния.

И только сейчас я с удивлением осознала один маленький нюанс, вечно вызывающий отторжение во время чтения книг о попаданцах: как так получилось, что я понимаю здешнюю речь? Да, я замечаю, что звучит она несколько иначе, более напевно как-то. Слова, если прислушаться, не вникая в их смысл, — совершенно чуждые, но в голове тут же рождается родное и привычное русское слово. Причем происходит это синхронно, поэтому не сразу удастся понять, что речь — иная! И что странно, я ведь не только понимаю, но и сама говорю! Фантастика, да и только.

Голова идет кругом от обилия поступающей информации. Явно в период сессии такое потрясение — это перебор даже для морально подготовленного молодого поколения. Какое-то время мы гуляли по замку и его окрестностям, потом был поразивший разнообразием блюд обед, и уже после него нас проводили в выделенные нам комнаты.

Войдя в свои апартаменты, я совсем не женственно присвистнула. И было от чего! Этакая галерея из целых пяти здоровенных комнат, если не считать просторный санузел и гардеробную. Кабинет и спальню можно было распознать по характерной обстановке. А вот о назначении еще трех я так и не догадалась. Различались они лишь цветом устилающих пол ковров, гобеленов на стенах и мебельной обивки. Гостиные под разное настроение? Надо будет потом поинтересоваться. Мало ли, может у них принято различных по статусу или половой принадлежности гостей в определенных комнатах встречать?

Ох... До меня вот только сейчас дошло: если я внучка герцогини, то не избежать мне

обучения придворному этикету и прочим премудростям. Нет, интересно, конечно, побывать на настоящем балу. С этим не поспоришь. Но кто ж такую чучундру невоспитанную туда пустит? А значит, крепись моя головушка, скоро начнут в тебя вбивать знания. И вообще, что меня здесь ждет?

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. За ужином не прекращающая щебетать герцогиня повернулась ко мне.

— Понимаю, что для тебя здесь все ново и непривычно, — начала она, и это вступление мне не очень понравилось. — Но тебе уже двадцать, а значит, пора представить тебя ко двору и искать подходящую партию.

— Мама! — тут же воскликнула моя мать. — Не вынуждай ее идти по моим стопам.

— Она не обладает магией и сбежать не сможет, — спокойно парировала хозяйка замка.

А я откровенно зависла. Это что ж такое получается — магия существует? И моя мама этой самой магией обладает? И на Земле она очутилась в попытке избежать нежеланного брака? Интересно, а я на что-нибудь способна и как это вообще работает?

— Может, и у меня она есть, — бурчу.

Надеюсь, никаких династических браков не будет, а только по любви! И вообще, как-то в мои жизненные планы это не вписывается. Хотелось бы сначала попутешествовать, посмотреть мир. Я даже готова по-учиться где-нибудь в местном учебном заведении, лишь бы не замуж!

— Сразу видно, что она твоя дочь, — скривила губки бабуля. — Такая же бунтарка.

— Может, действительно не стоит спешить с браком? — наконец-то подал голос молчавший до сих пор отец. — У девочки шок, а тут еще и муж появится. Это как-то уж слишком быстро.

— Но ей двадцать! — не унималась герцогиня.

— А кому, кроме нас, это известно? — парировала моя мать.

— Ну так-то да, — согласилась хозяйка замка и на мгновение задумалась. — В принципе, выглядит она неплохо, можно сказать, что ей семнадцать...

— И отправить учиться, — подхватила ее затею мама. — Пока не закончит обучение, никто не посмеет осудить ее затянувшуюся свободу. Ты ведь не против? — она взглянула на меня.

А я-то что? Закивала, как китайский болванчик, всем своим видом демонстрируя готовность грызть гранит местной науки.

— Ну что ж... — задумчиво молвила герцогиня. — В таком случае у нас всего-навсего один месяц на подготовку. Иначе не успеем, а пребывание взрослой девицы в замке на протяжении целого года ни к чему хорошему не приведет. Рано или поздно появятся соискатели на ее руку и сердце, а среди них могут оказаться такие, кому даже я отказать не смогу.

— Надо будет посмотреть, как дела обстоят с письменностью, — тут же подхватила идею моя мать. — Историю, хотя бы поверхностно, изучить. Сословные отношения. Этикет...

В общем, список был длинным, и я уже задумалась: так ли дурна затея с браком?

Глава 2

Испытания

Месяц, выделенный на подготовку к вступительным экзаменам, пролетел словно один короткий миг. Все вокруг было неимоверно интересным и увлекательным: природа, замок, город, новые знакомства, непривычный уклад жизни. Папа был угрюм, бродил по замку как неприкаянный. Его деятельная натура никак не могла найти себе применение в этом совершенно чуждом для нас мире, где многие вопросы решались посредством магии, которой он не обладал. Мама была его единственной отдушиной, а она явно наслаждалась своим нынешним положением.

Я довольно быстро влилась в сумасшедший ритм, который навязала мне герцогиня: ранний подъем, завтрак, занятия, обед, немного свободного времени и опять занятия, ужин и снова все те же занятия. Голова привычно пухла от обилия поступающих в нее знаний, но теперь они, вопреки обыкновению, чудесным образом задерживались в памяти, не вылетая прочь после того, как кому-нибудь расскажешь фрагмент изученного материала. Возможно, причиной были талантливые педагоги, умудрявшиеся превратить в увлекательную игру даже избилующую датами историю королевства? Или же перспектива замужества в случае непоступления оказалась достойным стимулом для столь активного вгрызания в гранит науки?

Хотя мне действительно было интересно. Как выяснилось, моя мама была родом из этого мира, именуемого Таркон. Ее... тьфу ты, наша семья занимала довольно высокое положение в социально-политической иерархии королевства под названием Элансия и даже в каком-то дальнем колене родового древа пересекалась с правящей династией. Жили мы в городе Лемборн, являвшимся ни много ни мало столицей Элансии.

Так вот, в возрасте двадцати четырех лет, мама закончила с отличием факультет бытовой магии (!) столичного университета, что и объясняло ее тягу к подобным работам и ту легкость, с которой она с ними справлялась. Одного я не могла понять, как герцогиня допустила, чтобы ее дочь училась на этом факультете? Мне попытались втолковать, что нет ничего зазорного в том, чтобы шепнуть заклинание и щелкнуть пальцами. С этим трудно не согласиться, однако в голове слишком прочно укоренилось представление о труде наших, земных, уборщиц, связанное с мытьем полов и унитазным ершиком. И лично я наотрез отказалась поступать на этот факультет.

В общем, по окончании учебного заведения мама должна была сделать выбор между тремя претендентами на ее руку и сердце. Но, увы, никто из них ей не нравился. Однако это не освобождало ее от обязательств перед своим родом. В итоге, с импульсивностью, свойственной подросткам, не особо-то задумываясь о последствиях своего поступка и о том, как вернуться обратно, она не только раздобыла, но и активировала зачарованный свиток телепортации в некий отдаленный мир.

Воспринималось это как проявление бунтарства, несогласия с решением старших и одновременно — забавное приключение. Очутившись на Земле, она с ужасом поняла, что там, помимо нее, никто магией не владеет. Пути назад не было, как и возможности что-либо изменить.

Леон, несмотря на обманчиво молодой вид, несколько десятилетий прослуживший

дворцовым магом у герцогини, проявил настойчивость. Долгие двадцать два года ушли на то, чтобы разыскать несмышленную беглянку, успевшую обзавестись за столь долгий срок мужем и ребенком. И вот наконец-то она смогла воссоединиться со ставшей к этому моменту неполной семьей. Как выяснилось, дедушки не стало три года назад. Слушая, с какой теплотой и любовью все о нем отзываются, я искренне сожалела, что мы с ним так и не встретились.

Это краткий экскурс в историю нашего рода, а лично в моей жизни сегодня ожидалось судьбоносное событие: либо поступлю в универ, что не так-то просто сделать с тем объемом знаний, который успела усвоить за столь короткий срок, либо буду вынуждена выйти замуж...

Как ни странно, процесс поступления здесь был довольно прост, в отличие от земной процедуры. В определенный день, и не обязательно утром, абитуриент должен явиться в университет, подать документы и тут же пройти вступительные испытания, в число которых входили эланская письменность, история королевства и... тестирование на наличие магического дара. Последнее в моем случае вызывало самые большие опасения. В домашних условиях проверить, имеются ли способности, не представлялось возможным, а магия проявлялась лишь у десяти процентов местного населения, что уж говорить обо мне с учетом примеси земной крови?

Провожали меня всей семьей. Но из кареты я вышла одна и, гордо задрав подбородок, пошла штурмовать местную альма-матер. Страшно было даже подумать, что будет, если я провалюсь.

Денек выдался солнечный и довольно жаркий. Скроенное по местной моде платье вызывает дискомфорт: корсет слегка затрудняет дыхание и жутко смущает излишне откровенным декольте. Все это прибавляет нервозности. Однако никого, кроме меня, это не беспокоит.

Университетский двор оглушил, стоило войти внутрь. Будто ворота служили не только защитой от проникновения посторонних, но и несли некую функцию наподобие звукоизоляции. Внешне он напомнил мне муравейник. Народу здесь собралось немерено. Что немудрено, ведь на каждый из пяти факультетов зачисляли по двести человек. Итого тысяча поступивших! А уж желающих это сделать было если не в сотни, то в десятки раз больше. Итого — не менее десяти тысяч абитуриентов, не считая начинающих съезжаться студентов старших курсов, хотя их, по словам мамы, должно быть не так и много, очень уж сурово здесь отсеивали за неуспеваемость. В общем, такого столпотворения я прежде никогда не видела, даже во время редких визитов на концерты эстрадных групп и певцов.

Как я уже знала, обучение здесь было бесплатным, и принимали всех, кто проходил отбор вне зависимости от сословий. И приглушенно галдящая разношерстная толпа, скопившаяся в просторном дворе учебного заведения, красноречивее всяких слов подтверждала это правило. И если на Земле в вузы тянулись зачастую по двум причинам: парни — чтобы откосить от армии, а девчонки — чтобы не идти в посудомойки, то здесь для подавляющей части самым весомым являлось то, что выпускникам уже не грозило оказаться за чертой бедности. Отсюда и стремление поступить.

Как я ни всматривалась, никакой организованности не обнаружила. Ни очередей, ни кого-либо, кто подсказал бы, куда идти и что делать. В итоге пришлось немножко поработать локтями, расчищая себе дорогу. Спасибо родному общественному транспорту, вот и пригодилась мне полученная некогда практика. Возле парадного входа в здание даже

осмотреться толком не успела, кто-то самым бесцеремонным образом выдернул меня из толпы и потащил внутрь. Возможно, он что-то сказал, прежде чем подхватить меня под руку? Не знаю. Царивший во дворе гул не позволял что-либо расслышать.

Нет, я, конечно же, не сопротивлялась и даже была благодарна ведущему меня куда-то парню. По опыту знаю — чем дольше жду, тем больше нервничаю, а это не лучшее подспорье на экзамене. Просторные светлые коридоры и бесчисленные повороты менялись один за другим. Вскоре я осознала, что без сопровождающего попросту не выберусь из этих лабиринтов. И это, как ни странно, добавило решимости во что бы то ни стало поступить.

Остановившись возле одной из дверей, парень постучал и, заглянув внутрь, кивнул мне, мол, проходи.

— Удачи, — донеслось мне вслед, и стук захлопнувшейся за спиной двери заставил вздрогнуть.

Комнатка, вопреки ожиданиям, оказалась небольшой. Квадратов десять, не больше. Огромное окно, занимающее едва ли не всю противоположную стену, впускало солнечный свет. Из мебели всего один стол и четыре стула, три из которых занимали члены приемной комиссии: седоволосая пожилая женщина и двое мужчин на вид лет тридцати пяти — сорока, хотя, памятуя о внешнем виде бабули и Леона, я не взялась бы оценивать их реальный возраст.

— Вы проходите, проходите, — произнес один из мужчин, тот, что явно повыше, по крайней мере, в сидячем положении он едва ли не на голову возвышался над своими коллегами. — Давайте ваши документы, — говорит, и я послушно протягиваю свои бумаги. — Хм... Алесандра Лорентайн-Ливонская. Вы, случаем, не приходите ли родственницей герцогине Руане Лорентайн?

Я лишь кивнула в ответ.

— Ну что ж, привилегий вам это не дает, но буду рад, если представительница столь знатного семейства почтит своим присутствием стены нашего заведения, — молвила женщина. — Тяните по одному билету из каждой кучки, — она взглядом указала на лежащие перед ней листочки. — У вас два часа на подготовку. Думаю, о попытках списывания говорить не надо? Вот и чудесно.

О каких шпаргалках может идти речь, когда с тебя не сводят взглядов три пары внимательных глаз? Да и не умею я этого делать. Но говорить ничего не стала, молча вытянула по одному билету и села за стол.

Решив не пугать себя раньше времени, один билетик отложила в сторону, даже не заглянув, второй же прочла. В общем, с вопросом по письменности мне повезло. Никакой конкретной тематики типа наших экзаменов, где требуется написать краткое изложение по определенному произведению Пушкина, например, здесь не было. «Расскажите в свободной письменной форме, как вы представляете себе процесс обучения в нашем университете», — гласило задание.

Практика у меня имеется, плюс рассказы мамы о годах, проведенных именно в этом учебном заведении. Главное — не допустить ошибок. С этим сложнее всего, потому что мы заметили: стоит мне начать думать о правилах, и я словно специально пишу с ошибками, истолковывая их наперекосяк. Кто бы знал, как сложно не думать об этих проклятых правилах, сидя на экзамене перед глазами приемной комиссии. Но в итоге я успела настрочить четыре листа убористым почерком. И у меня попросту отобрали мое незаконченное сочинение, велев отвечать на второй билет.

«Какое влияние на приграничные районы Элансии оказало Каргонское соглашение?» В принципе, ответ на этот вопрос я тоже знала, благо уловила его суть сразу же, не зря же на экономическом столько лет проучилась. Но, господи, как же сложно сосредоточиться, когда напротив тебя сидят и проверяют первую работу. Глаза нет-нет да и косят на вчитывающихся в мою писанину преподав. В общем, не выдержала я.

— Можно устно ответить? — спрашиваю.

Если честно, то я попросту боялась наделать пресловутых орфографических ошибок. Не знаю уж, какова будет оценка за первое мое творение, но завалить письменность на билете по истории будет, мягко говоря, глупо. А иллюзий по поводу своей грамотности я не питала.

Преподаватели удивленно переглянулись, видимо, мало кто изъявлял подобное желание, хотя я всегда старалась не тратить лишнее время и сразу отвечать.

— Приступайте, — отложив в сторонку мою писанину, произнес тот, что пониже.

Я едва не запрыгала от радости. Ведь если меня допускают к ответу, значит, проверенная работа не так уж и плоха? В конце концов, не знаю уж, как тут работает мое понимание языка, но хотелось бы надеяться, что уровень образованности у меня повыше, нежели у тех абитуриентов, которые не могли себе позволить обучаться в школах или нанять учителей. А таких, как мне известно, здесь хватало.

— В результате заключенной договоренности население районов, граничащих с Каргоном, обрело льготы на ведение торговых операций, что сказалось на социально-экономическом...

Сначала я сбивалась. Пыкала, мыкала, экала, но постепенно разговорилась и дальше вещала уже более чем уверенно и долго. Никто не перебивал, не засыпал дополнительными вопросами. Некоторые мои умозаключения, судя по выражениям лиц преподавателей, явно ставили их в тупик. А мне казалось странным, как можно не видеть очевидного? Наверное, сказывался менталитет человека из высокоразвитого техногенного мира, где информация льется рекой со всех сторон: радио, телевидение, книги, фильмы. Мой треп слегка затянулся, и, если бы не стук в дверь, я бы так и продолжала.

— Мы еще не закончили, — обращаясь к кому-то за дверью, крикнул высокий и умолк, но я уже сбилась с мысли и, естественно, занервничала.

Какое-то время в кабинете висела гнетущая тишина, и я уже начала паниковать — не сболтнула ли лишнего? Или наоборот: наговорила много, а главное упустила?

— Спасибо, — выдохнула наконец-то седоволосая. — Это лучший ответ из всех, что я слышала за всю свою преподавательскую практику, — призналась она.

А я с замиранием сердца ожидала вердикт по первому билету, и если все хорошо, то впереди еще тестирование. Хотя последнее не столь и опасно. Ведь в университете пять факультетов: боевой магии, лекарского искусства, бытовой магии, ментальной магии, целительский.

На первый и третий я не хотела бы попасть. Второй был очень востребованным, и шанс быть зачисленной именно туда был невелик. А вот оставшиеся два давали надежду. На менталистику почему-то не особо стремились, значит, есть шанс поступить. Ну и последний — целительский — был, можно сказать, бросовым. Туда зачисляли прошедших конкурс, но не обладающих магией. Там обучали искусству зельеварения. В общем, этакий травник-алхимик на выходе получался, способный кровь остановить, вывих вправить и роды принять. Но я не гордая, можно и туда, лишь бы не замуж.

— А теперь сядьте поудобнее, — произнес высокий. — Закройте глаза и постарайтесь

увидеть, что я сейчас буду делать.

Послушно выполняю все сказанное, гадая, что ж я должна увидеть-то? Но как ни тужусь, ничего, кроме пробивающегося сквозь веки солнечного света, не вижу.

— Можно, я спиной к окну сяду? — так и не открывая глаз, спрашиваю я.

— Если вам будет удобнее, пожалуйста, — ответила женщина.

Пересела. Попыталась максимально расслабиться и одновременно сосредоточиться на происходящем. Помнится, меня подружка таскала на психотренинг, там во время медитации мы угадывали цвет ауры того или иного человека или предмета. Тогда мне даже казалось, что я действительно вижу! Но скорее всего это обычное самовнушение, не более того. И вдруг мне показалось, что я вижу синевато-зеленое размытое пятно, где-то там, где как раз и должен сидеть высокий. Тут же всплыли слова с того самого психотренинга о том, что металлические предметы излучают такое вот «свечение». И еще вспомнилось, что плоские или острые вещи должны рождать рваные линии, а округлые — плавные и размытые. Хм... чем не подсказка? Все равно иных идей нет.

— Небольшой металлический округлый или овальный предмет, — произношу я.

— Насколько небольшой? — уточняет, судя по голосу, высокий.

Значит, остальные догадки верны?!

— Не больше ногтя на большом пальце руки, — отвечаю с неведомо откуда взявшейся уверенностью.

— Ну что же, открывайте глаза, — произносит он и разжимает ладонь, на которой поблескивает в солнечных лучах начищенный до блеска металлический шарик!

— Следующее испытание. Закройте глаза и отвернитесь. Уши руками прикройте. Досчитайте мысленно до десяти и, не открывая глаз, найдите на столе недавно появившуюся, то есть ранее там не лежавшую, вещь, — приказал тот, что пониже.

Опять послушно выполняю все требования. И самой уже интересно: найду — не найду? А если не получится, то первого успешно выполненного теста хватит для поступления хотя бы на менталистику?

В общем, увидеть я ничего не увидела и решила схитрить. Хотя и наивно это было, но почему-то казалось правильным. Подойдя на звук преподавательских голосов к столу, одной рукой взялась за его край, вторую развернула ладонью вниз и так ею и повела над столешницей, пытаясь ощутить что-нибудь. И ведь чувствовала! Разное. Но все это будто нейтральным или даже холодным было, а в одном месте словно тепло излучалось. Боясь ошибиться, я несколько раз проверила этот участок, прежде чем опустила руку на... гладкий, напоминающий на ощупь пластик, кругляшок.

— Поздравляем, этот этап тестирования прошел успешно, — произнесла женщина, и когда я взглянула на педагогов, то...

Мне показалось или на их лицах было удивление? И вообще, почему в домашних условиях не могли проверить наличие магии? Это ведь не так и сложно, как показывает практика. Хотя, может, все это всего лишь совпадения?

— Отвернитесь, — вновь скомандовал высокий. — Сейчас мы спрячем одну из лежащих на столе вещей. Ваша задача ее найти. Вы сможете делать это и с открытыми глазами, если вам так будет проще. Но это снизит проходной балл, — добавил он.

Стоило отвернуться, и за спиной раздалось активное шорканье, кажется, преподы решили размяться, заодно запутав незадачливую абитуриентку. Ну коли открытые глаза снижают балл, то надо для начала попробовать исследовать поверхность стола с закрытыми.

То есть не пощупать, а так же энергетически ощутить, чего не хватает, а потом поискать это нечто.

— Приступайте, — разрешил тот, что пониже.

Исчезнувший предмет определился легко. Это был тот самый кругляшок. В памяти тут же возродилось недостающее ощущение от близости пропавшего предмета. И почудилось, что я ощущаю слабую, связующую нас нить. Поводила рукой в воздухе. В какой-то миг связь вроде бы стала прочнее, и я, на ощупь огибая стол, двинулась в этом направлении. Не знаю уж, галлюцинации это или что, но мне определенно казалось, что руку будто магнитом тянет куда-то. Еще немного, и...

— Достаточно, — заставив меня отпрянуть, произнесла женщина, и когда я открыла глаза, она уже доставала кругляк из рукава своего платья.

Следом пролетели еще четыре испытания, и неведомо каким чудом, но мне удалось с ними справиться! Никогда бы не подумала, что такое возможно. Да и всерьез прежде подобное не воспринимала, кто ж знал, что это и есть зачатки магии, признаки обладания даром.

— Поздравляем, — по завершении очередного задания молвил высокий. — Вы зачислены. И вам предоставляется свобода выбора одного из трех факультетов: боевой, бытовой или ментальной магии.

— А лекарского искусства? — решив обнаглеть, подала голос я.

— Там, увы, уже не осталось мест, — отозвалась женщина. — А на целительский мы вас при такой степени одаренности не допустим. Поэтому забудьте о лечении. Так и каков же ваш выбор?

Так и подмывало сказать в ответ: «Можно подумать, он велик!» Хотя я и боялась, что вообще завалю экзамены, но на два из трех предложенных факультетов изначально не хотела попадать. А значит — менталистика. Собственно, мне дома пытались объяснить, что это такое. Но я так и не поняла, если честно.

— Ментальной магии, — отвечаю я, в очередной раз вызвав удивление педагогов.

— Вы хорошо подумали? — с сомнением интересуется высокий. — Дело не в том, что этот факультет чем-то плох, но для поступления нужен определенный, довольно высокий уровень магических способностей. Это не к тому, что он у вас недостаточен, а к тому, что и требования в процессе обучения более высокие, и соревноваться в процессе учебы придется с лучшими.

— Можно подумать, на других факультетах иначе, — я пожимаю плечами.

— На боевом так же, на остальных в разы проще, — отозвалась женщина. — Ну что же, поздравляем с зачислением на факультет менталистики.

— Возможно, вам интересно будет узнать, — перебил ее высокий. — Девушки на этом факультете большая редкость, и на сегодняшний день вы первая, и не исключая, что последняя представительница прекрасного пола, решившая связать свою жизнь с ментальной магией. За всю историю лишь одна девушка поступала на этот факультет, э-э-э... лет семнадцать назад. И неплохо справлялась, стоит заметить, но все же... не женское это дело, — добавил он.

«Ага, а еще никто не идет на боевой, наверное. Только и мечтая стать лекаршами или домохозяйками...» — подумала я, но вслух так ничего и не сказала.

Глава 3

Обустройство

До начала занятий оставался месяц, за время которого поступившие счастливики должны были успеть собрать все необходимое для года учебы. Хотя некоторые студенты в это время уже находились на территории вуза, во избежание отчисления закрывая старые долги по дисциплинам. Понятие «каникулы» здесь существовало, но распространялось исключительно на три месяца в летний период. Я, в принципе, могла жить в замке и ездить на учебу оттуда. Но проблема в том, что Лемборн достаточно большой город и университет располагается в полутора часах езды от дома. Тратить ежедневно три часа на дорогу не хотелось. Посоветовавшись с родными, я решила жить в общежитии на территории вуза, выбираясь домой на выходные.

К тому же так имелся хоть какой-то шанс окунуться в студенческую среду и обзавестись друзьями. За месяц, проведенный здесь, я почти никого, кроме прислуги и родных, не видела. Нет, бывали в замке и гости, но эти чопорные дамочки, являвшиеся старинными знакомыми мамы и бабули, мне в подружки явно не годились. Их же дочери и внучки к этому моменту либо учились где-то, либо успели выйти замуж. Единственная «сверстница», с которой меня попытались свести, никаких эмоций, кроме крайней степени раздражения, у меня не вызывала. Эта семнадцатилетняя особа оказалась невыносимо глупой и болтливой. Все ее разговоры сводились к обсуждению платьев, сумочек и потенциальных кавалеров.

Порасслабляться оставшийся перед началом занятий месяц герцогиня мне не позволила. Учеба, учеба и еще раз учеба.

— Коль сама же это и выбрала, то должна стать одной из лучших, — говорила она. — Нечего семью позорить плохой успеваемостью или, не дай бог, отчислением.

И я старалась, памятуя, что в случае провала меня ожидает совершенно не вписывающийся в мои жизненные планы брак.

За неполные два месяца пребывания на Тарконе я многое успела узнать. Как о самом городе, в котором жила, так и о людях, этот мир населяющих. Здесь не было иных рас, как в фэнтезийных романах. Все население напоминало наших европейцев. Никаких тебе азиатов или негров. Восемьдесят пять процентов относились к среднему и низшему сословию, и всего лишь пятнадцать к родовитым семействам. Техники тут практически не было: либо магия, либо ручной труд. Хорошо хоть, рабство в королевстве не приветствовалось, с подобным было бы сложно смириться человеку, выросшему в свободолюбивой стране.

Радовало и то, что папа наконец-то нашел себе применение. Он занялся торговым бизнесом, по местным меркам, совсем не подобающим его положению. Но задежавшая свои связи герцогиня милостиво смотрела сквозь пальцы на его причуды. Хотя и не понимала — зачем ему работать? Ведь у семьи имеются прекрасные виноградники и винодельня, приносящие приличный доход. И даже там непосредственного вмешательства членов семьи, по сути, не требовалось, так как управляющий справлялся со всеми вопросами самостоятельно. Но папа стоял на своем, и все махнули рукой, мол, чем бы дитя ни тешилось...

Нет, он не стоял за прилавком и не считал вместо привычного компа или калькулятора на счетах, этим занимались другие, те, для кого это нудное занятие было привычным. Он, не

мелочась, пользуясь знаниями и опытом, сразу же начал налаживать целую сеть торговых домов, с наемным персоналом в виде продавцов, грузчиков, уборщиков, администраторов и бухгалтеров, а также невиданной здесь прежде системой внутреннего аудита, и проводить рекламные акции, отличные от тех, что практиковались на Тарконе.

Теперь отец целыми днями пропадает в конторе, мама, словно мотылек, порхает то в гости, то к портным. Бабуля как-то не ассоциируется с престарелой мудрой женщиной, хоть и неглупа, но не в меру молодая внешность мешает, и я воспринимала ее скорее как тетушку. Немного занудную, стоит заметить. Моя же жизнь превратилась в сплошную зубрежку. Первая эйфория от осознания того, что я в ином мире, прошла, и стало откровенно скучно. Хотелось поскорее вырваться из успешного опостылеть замка, где, несмотря на обилие народа вокруг, я была одинока, как никогда прежде.

И вот настал тот долгожданный день, когда мои вещи были упакованы и загружены в карету. Провожали меня опять же всей семьей, и даже папа соизволил отвлечься от своих вечно неотложных дел ради такого события.

Очутившись во дворе гудящего, словно улей, универа, я наконец-то обрела нечто отдаленно смахивающее на свободу.

— Первый курс? — сверкнув белозубой улыбкой, поинтересовался подошедший ко мне высокий голубоглазый блондин с ровным бронзовым загаром.

М-да, за внимание такого мачо в родном, земном, универе девки в драку бы бросались. А я стояла бы в сторонке и собирала ставки на победительницу. Потому что типаж не мой. То есть с некоторых пор не мой. Не люблю слишком смазливых. Плавали. Знаем. И впредь я зареклась наступать на одни и те же грабли. А красавчик все еще стоит рядом, совершенно не стесняясь, откровенно разглядывает меня с ног до головы, будто я кукла или манекен, выставленный в витрине магазина. Рука непроизвольно потянулась прикрыть излишне откровенный вырез платья на груди, а внутри аж гнев закипать начал, но тут же вспомнилось, что я понятия не имею, куда мне идти, и этот самоуверенный самец — мой шанс не заблудиться.

— Да, — киваю, надеясь, что он подскажет, куда идти и что делать.

— А факультет какой?

— Менталистика, — отвечаю, косясь на застывших за моей спиной слуг, навязанных мне герцогиней и наверняка приставленных не просто так, а с целью докладывать о каждом моем шаге.

— Ух ты! Да ладно?! — парень удивленно воззрился на меня и даже бровь приподнял. — Не шутишь?

Я лишь вздохнула. Чувствую, не раз еще придется увидеть удивление на лицах студентов. Хотя... Чего еще ожидать от мира, где женщины априори видят себя только в качестве лекарей или домохозяек?

— Проводить?

— Если не сложно, — почему-то вдруг смутившись, тихо произношу я.

Осознав, что в царящем вокруг шуме он мог меня не расслышать, я еще и кивнула для пущей убедительности. И стыдно как-то стало за былую волну гнева. Вполне культурный молодой человек, обходительный. В конце концов, все мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо. Ну присмотрелся парень к симпатичной девушке. Что в этом криминального? Не хамил же, не оскорблял и руки не распускал.

— Эти с тобой? — он окинул взглядом слуг, навьюченных торбами по самые макушки.

Мне даже неудобно стало. Все студенты сами по себе, а я как... Но делать нечего, против правды не попрешь. Опять кивнула. Оглядываюсь по сторонам и откровенно краснею. Народ вон собственные пожитки в руках тащит — и ничего, не сломался еще никто. Одна я такая неженка. Искренне надеюсь, что слугам не позволят остаться здесь. В мои планы следующая за мной по пятам прислуга явно не вписывается. Однако оспорить решение бабули не удалось, и я решила попросту избавиться от них по прибытии.

— Меня Киром зовут. Третий курс того же факультета. Если что — обращайся, — перекидывая окружающий нас шум, говорит мой провожатый. — В этом году наш курс курирует перваков.

Пренебрежительное «перваки» резануло слух, но я лишь кивнула в ответ, не желая глотку рвать без особой на то необходимости. Интересно, тут всегда так шумно? С одной стороны, понятно — съехались студенты всех курсов, давно не виделись, общаются, новостями делятся. С другой стороны, после рассказов мамы я ожидала узреть дисциплину и порядок, а тут такое! Или все так изменилось с годами, или память у людей слишком избирательна.

Думала, что мы первым делом пройдем к махине административного корпуса. Не угадала. Уже знакомое здание, вызывающее жуткие воспоминания о лабиринтах бесконечных коридоров, мы обошли стороной. Молча пройдя через многолюдную садово-парковую зону, приблизились к выстроившимся вдоль аллеи рядом однотипных серовато-белых четырехэтажных зданий. Мрачновато они смотрелись, если честно.

— Это учебные корпуса, — Кир махнул рукой вправо. — В самом ближнем располагаются столовая, лазарет и библиотека. Следующее — вотчина боевиков, потом наш корпус, ну а дальше все остальные. Они тебе без надобности. По крайней мере, пока что. Вон там, — он небрежно махнул на самое крайнее слева здание, — обитают знахарки, по соседству с ними лекарки, потом бытухи. Если кого-то из ребят не обнаружишь в общаге, ищи там, не ошибешься, — ухмыльнулся мой провожатый.

Ясно. Все как всегда. Парни неизменно зависают в общагах у девчонок, вне зависимости от того, в каком мире находятся.

Я ожидала, что ближайший из жилых корпусов занимают препода, ан нет, оказалось — мы! То есть менталисты, как нас тут называли. Второй был отдан педагогам, третий — студентам факультета боевой магии, а остальные я даже запоминать не стала, хотя Кир и пояснял все, что попадало в поле нашего зрения, пока мы шли по аллее.

Стоило открыть двери, и лицо овеяла приятная прохлада. Холл оказался на удивление просторным и светлым. Не успели мы войти, тут же к нам подошла невысокая пожилая женщина со строгим выражением лица и, окинув цепким взглядом нашу процессию, не очень-то приветливо произнесла:

— Та самая значит...

Что тут ответить? Молчу. Жду. Ясно одно: подселение особи женского пола ее абсолютно не радует.

— Ну пошли, что ли, — ворчит, даже не смотря в мою сторону. — А ты куда намылился? Не дело это парням по девичьим спальням шастать, — взвилась она, заметив, что Кир собрался идти следом.

— Так, фаам Валента, я ж курирую... — робко произнес парень.

— Вот и «курвируй» себе здесь да там, — обвела взглядом холл и кивнула в сторону выхода на улицу. — А в комнате замечу... — и щуплый кулачок бабульки вмиг очутился перед

носом незадачливого провожатого.

— Я тут подожду, — понуро известил Кир и отошел к окошку.

Старушенция оказалась прыткой не по годам. По ступенькам не шла — летела! Да с такой скоростью, что я едва поспевала. Вот уж и площадка четвертого этажа мимо промелькнула, я даже спросить хотела — не пропустили ли нужный? Мало ли склероз там или еще что в столь почтенном возрасте. Но бабулька, очутившись возле явно чердачных дверей, с самым деловым видом забряцала связкой ключей. Это что ж получается, я, как кошка, на чердаке жить буду? Надеюсь, здесь нет крыс и пауков.

— Ты уж не взыщи, девонька, но больше мне селить тебя некуда, — распахивая дверь, известила она. — А ты не одна, при слугах, вот они-то порядок туточки и наведут. Зато почитай цельный этаж в твоём полном распоряжении будет.

Вошли. Я, если честно, по первости аж онемела. Стою, озираюсь по сторонам. Очевидно, чердачное помещение изначально использовали под какие-то общественные нужды. Может, актовый зал какой-нибудь планировалось тут обустроить? А может, он здесь и был, но давно. Над головой, вместо ожидаемых стропил, приличной высоты потолок, и даже окна имеются, но настолько грязные, что свет сквозь них едва-едва пробивается.

Первое открывшееся нашим взорам помещение было, мягко говоря, гигантским, наверное, треть здания занимало. В боковых стенах, ведущих куда-то вглубь чердака, располагались двери, а вокруг пыль, та самая ненавистная паутина и кучи хлама, являвшегося некогда мебелью.

— У вас неделя на то, чтобы обжиться, — бодро вещает старушенция и несется к одной из дверей.

Теперь я поняла, зачем надо было являться в универ еще до начала занятий. А тут... Мда уж, не факт, что за месяц с этими завалами справимся. Я-то, наивная, думала, мне выделяют комнатку с ванной и всей необходимой мебелью, как мама рассказывала, вспоминая свои студенческие годы. Я тогда размечталась, что получу книги в библиотеке, расписание в учебной части, отправлю прислугу обратно в замок, и да здравствует свобода! Угу... Она-то на бытовой магии училась, где вся общага женская, не то что тут. Интересно, а та единственная девица, учившаяся когда-то на факультете, где жила? Неужто здесь? Или, может, вообще в подвале? Судя по всему, здесь девчонок рядом с парнями принципиально не селят.

— Вот, — распахивая дверь, с какой-то потаенной гордостью произносит старушенция. — Здесь и камин, и даже ванная имеются!

Вхожу. По правую руку дверь в какое-то помещение, судя по всему, тем самым санузлом и являющееся, а в остальном... вполне мило. Просторно. И даже светло, несмотря на вездесущую грязь. Еще бы, три окна с одной стороны, два с другой и одно с торца здания, огромное — во всю стену — с видом на парк и балкончиком! В общем-то, если привести все в порядок, то будут воистину королевские апартаменты. Вот только сколько времени на это понадобится, даже страшно подумать.

— Ты не косись, не косись! Здесь даже зимой тепло. Знала б, кто тут до тебя жил, нос бы не воротила.

Хотелось спросить: «И кто же?» Но не успела, потому что бабка уже рванула обратно, явно собираясь продемонстрировать оставшуюся часть отведенных мне хором. Ну что сказать? Удивлена я. Здесь не только комнаты для прислуги обнаружились, но и кухонька, и еще один санузел с работающим водопроводом! Хотя чему удивляться? Здание же

принадлежит магическому учебному заведению.

Валента все расхаживает от комнаты к комнате, расписывая все преимущества подобного заселения. Я благоразумно помалкиваю, понимая, что в чем-то она права. В конце концов, если все пойдет хорошо, то в стенах универа проведу ни много ни мало целых семь лет.

За спиной пыхтят ранее упомянутые слуги. Видать, утомились еще на улице по такой-то жарнице мои торбы таскать, а тут еще и на самую верхотуру переться пришлось. А без дозволения опустить свою ношу на грязный пол не решаются.

Старушенция права — без посторонней помощи здесь не разобраться. В этот момент я даже благодарность по отношению к прозорливой герцогине почувствовала и запоздалый укол совести.

— Ведра, тряпки выдам, — тем временем вещала местная домоправительница. — Постельные принадлежности тоже.

И тут вспомнилось мне, что, в отличие от комнат прислуги, в моей кровати не было! Вот и где мне спать? Но спросить опять же не успела — прозорливая старушка опередила:

— Столярным делом владеете? — обернулась она к единственному мужчине в моей свите, тот кивнул. — Вот и чудненько, вот и хорошо. Значит, пока ваши товарки будут порядки в хозяйской части наводить, вы мебелью займетесь. Ее вынести хотели, да громоздкая больно. Разобрали, да так и бросили. Так что только собрать обратно и требуется.

Тут же припомнились кучи хлама на выходе с лестничной площадки. Интересно, кто ж здесь жил прежде? Хотя какая разница? До этого ли сейчас. Успеть бы разгрести тут все хоть немного, чтобы ночью было где прилечь.

— Ты-то, фиета, на довольствии у королевства, — тем временем вещала старушка. — Столоваться в общей столовой можешь, коль не побрезгуешь. А вот слуг своих сама обеспечивай. Вот здесь — кухня. Все исправным должно быть. Разве что дымоход мог паутиной забиться, но это решается. Были б руки, — она покосилась на моих работников. — Котлы и посуду отдраят, рынок недалече, а в деньгах ваш род, насколько мне ведомо, не стеснен.

Теперь-то понятно стало, зачем герцогиня мне кошелек нехилых размеров вручила. Словно все наперед знала. А может, и знала? И вовсе неслучайно эти хоромы мне отдали?

— Ну, вроде все. Сюда никого посторонних не водить! И сама по чужим комнатам не шатайся! У нас с этим строго. Раз-другой замечена будешь и полетишь отсюда аки птица. Никакие родословные не помогут, — строго зыркнула на меня старушенция и, обернувшись к одной из сопровождавших меня женщин, приказным тоном произнесла: — Что встала? Покладь манатки. Не украдет их никто. Пошли за тряпками да ведрами. Потом постельное возьмешь. Мне еще поискать надобно то, что на кровать ту подойдет, — задумчиво пробормотала она, направляясь к выходу.

И тут вспомнилось, что внизу меня Кир дожидается. Эгоистично это, но очень уж хотелось убраться подальше из этого царства пыли и паутины. Понимаю, конечно, что по мановению волшебной палочки она никуда сама по себе не уберется, но сейчас больше всего на свете хотелось подышать свежим воздухом.

— Вы не извольте беспокоиться, фиета Алесандра, — подал голос Гаред — тот самый единственный мужчина из числа моей прислуги. — Все будет сделано в лучшем виде.

Я лишь кивнула и поспешила убраться прочь.

Валента еще задержалась немного, раздавая последние указания, а я неслась вниз

быстрее ветра.

— Ну как? — отклеился от окна явно уставший ждать Кир.

Что тут скажешь? Меняхватило лишь на то, чтобы глаза к потолку закатить и выскочить на залитую солнечным светом аллею.

— Может, представишься уже? — донесся мне вслед голос «куратора».

— Алесандра, — отвечаю.

— Чудное имя. Из знатных, что ли?

Так и подмывало спросить: «Ты слепой, что ли? Не заметила я, чтобы кто-нибудь, помимо меня, сюда с толпой прислуги появился...» Но вовремя язык прикусила. Не хватало еще обидеть, а без его помощи мне сложновато будет разобраться, где здесь что, куда идти и что делать в первую очередь надо.

— Да, — произношу и поражаюсь тому, насколько кротко мой голос прозвучал.

— А-а-а... тогда ясно, почему тебя на наш факультет приняли... — говорит и, не успевая я фыркнуть в ответ, добавляет: — И в принцевы хоромы заселили.

— Что?! — сбившись с шага, воззрилась я на него. — В чьи?!

— Так на верхотуре еще с основания университета этаж обустроили для особ королевской крови, — пожав плечами, поясняет Кир. — А ты не знала?

Интересно, откуда бы? Но это мысли, а в ответ я лишь головой помотала, в шоке переваривая информацию. Планировка там хорошая, не спорю. Но зачем особ королевской крови на чердаке селить? Пусть он изнутри чердак вовсе и не напоминает, но все же. И еще... зачем тогда мебель было ломать и пытаться вытащить? Как всегда, ни один из вопросов озвучить я не успела, потому что мы подошли ко входу в библиотеку.

Внутри было оживленно, что и неудивительно. Кир, поприветствовав по пути нескольких знакомых, протолкался к стойке библиотекаря:

— Здравствуйте, маэстро Феофан, — произнес он. — Нам бы книги получить.

— И тебе не хворать, — приподнявшись из-за стойки и глянув в нашу сторону, недовольно буркнул седовласый сухонький старичок. — А очередь не для вас?

— Никак нельзя, — покосившись на меня, ответил мой провожатый и добавил: — У нас персона здесь важная.

По залу пролетел приглушенный шепоток, и в воздухе повисла вполне осязаемая тишина. Я смачно покраснела под прицелом вмиг обратившихся ко мне десятков любопытных глаз и совсем неэтично ткнула локотком в бок хитроумного проныру, решившего за счет моего положения ускорить процесс получения книг. Но тот словно и не почувствовал ничего. Или сделал вид?

— Ну, коли так... — внимательно всматриваясь в мое лицо, словно пытаюсь узнать или запомнить, молвил библиотекарь. — Никак из рода Лорентайн? — угадал он, и мне не оставалось ничего, кроме как кивнуть, и вновь окружающие нас студенты зашептались. — Ну что ж, добро пожаловать. Какой факультет?

— Ментальной магии, — отвечаю, и...

Охи, ахи, кто-то даже присвистнул. В общем — фурор, да. Спустя двадцать минут мы с Киром, получив воделенную литературу, беспрепятственно миновали вмиг расступившуюся толпу и очутились на улице.

— Привыкай, — усмехнулся этот наглец.

— К чему? К тому, что ты тыкаешь всем, кому ни попадя, моим положением, выбивая льготы, или к тому, что я единственная представительница женского пола на вашем

факультете?

— К тому же очаровательная, — проигнорировав мою гневную тираду, выпалил Кир и, лучезарно улыбаясь, направился обратно к зданию общежития, а я так и осталась стоять на месте. — Что встала будто вкопанная? Привыкай, говорю же.

— Мне не нравится, когда кто-то использует свое положение в обществе, — догоняя его, высказалась я. Ну не говорить же ему, что я, помимо всего, попросту не привыкла еще к этому самому положению? — Принадлежность к роду не дает права смотреть на других свысока...

— Ты бы потише на такие темы разглагольствовала, — неожиданно резко одернул он меня.

И я умолкла, с опозданием осознав, что действительно едва ли на крик не срываюсь. Денек выдался напряженный, да и вообще события последних двух месяцев к трезвости мышления не располагают. Ну и да, выговориться уже хочется, а некому! И вот он случай, вернее, свободные уши. Хотя... стоит ли откровенничать с первым встречным, с которым еще не один год придется пересекаться по учебе? Кто знает, как наши дальнейшие отношения сложатся? Вдруг мы врагами умудримся стать, а я ему козырь в руки в первый же день знакомства вручаю.

— Всякие революционные высказывания до добра не доводят, — в этот раз тихо произнес Кир, но во взгляде, обращенном ко мне, мелькнуло... уважение.

К тому моменту, как я вернулась на чердак, пыль и паутина волшебным образом исчезли, собственно, как и грязь с открытых настежь окон. Прежде затхлый воздух теперь был свеж, вот только нехватка мебели пока что была налицо. Бытовая магия в действии, не иначе! Но столик целый нашелся, куда я и сгрузила полученную в библиотеке литературу.

Стоит заметить, Кир в этот раз, вопреки запретам, вторгся на мою личную территорию, благо предлог нашелся: он тащил помимо своих книг и часть моих. Войдя, он даже присвистнул.

— Неплохо ты устроилась, — только и смог выдавить он.

— Кажется, мы хотели сходить в учебную часть? — напомнила я остолебеневшему от удивления парню.

Тот лишь кивнул и нехотя направился к выходу. А я подумала — вряд ли он был бы столь восхищен, увидев чердак в первоначальном виде. Это сейчас со стен исчезли пыль и паутина, открыв вид на красивую роспись по нежно-голубому фону, и паркет на полу сверкает, а тогда трудно было даже предположить, чем тот пол покрыт под слоем грязи.

В учебной части я вновь лицезрела шок окружающих, услышавших о том, что на факультет менталистики зачислена девушка. Получив расписание, Кир предложил наведаться в столовую, которая находилась в этом же здании. Меня подмывало спросить: почему мы первым делом не зашли сюда, а потом уже в библиотеку? Но парень с энтузиазмом рассказывал о нюансах студенческой жизни, и мелькнувшая не столь и существенная мысль тут же вылетела из головы.

Столовая представляла собой огромный зал с ровными рядочками столиков и неизменной линией раздачи. Как и везде, здесь было довольно многолюдно. Поймав мой недобрый взгляд, Кир смиренно пристроился в хвост очереди.

На нас косились. То ли слух о том, кто я такая, разлетелся слишком быстро, то ли сам факт того, что Кир полдня разгуливал по территории университета с какой-то девицей, привлек внимание? Причем парни явно поглядывали с интересом, а девчонки — с

ревностью. В принципе, меня не волновало ни то, ни другое. Но все же как-то некомфортно я ощущала себя в платье с излишне глубоким декольте под прицелом сотен глаз. И неважно, что другие девицы щеголяли не менее откровенными вырезами. То они, а это-то я!

Кир что-то рассказывал, в то время как очередь медленно ползла вперед. Наконец-то мы достигли стопок с подносами, а потом добрались и до вожделенной еды. Только сейчас я осознала, насколько же была голодна. И совесть уколола, когда я вспомнила о голодных слугах. Решив сразу же, как только поедим, сбегать к ним и хотя бы денег дать, чтобы сходили где-нибудь поесть.

— Здесь практикуется такое, что студенты берут пищу к себе в комнаты, на случай, если не успеют на ужин, например. Или кто-то очень занят и попросит принести еду, — словно угадал мои мысли товарищ. — Если хочешь, можем взять.

За эту идею я была искренне благодарна и не преминула воспользоваться предложением. В итоге, из столовой мы вышли с нагруженными под завязку подносами. Стоит ли говорить, что мои работники были жутко смущены вниманием с моей стороны, но накинулись на еду с таким аппетитом, будто неделю не ели.

— Ладно, пойду я, — как-то нехотя произнес Кир. — Завтра можем встретиться, если хочешь. Я на четвертом живу, в пятой комнате, — уже в дверях добавил он.

Сидеть сложа руки не было ни сил, ни желания. Да и как можно беззаботно плевать в потолок, когда вокруг все суетятся, наводя некое подобие уюта в некогда казавшемся совершенно не пригодным для проживания месте? Вот только мои попытки помочь быстро пресекла старшая из работниц, грузная тетка лет сорока пяти с копной вьющихся рыжих волос, которую звали Ризой:

— Вы, фиета, лучше бы воздухом на балкончике подышали. Гаред там все в порядок уже привел. Не дело это — госпоже наравне с обслугой хоромы обихаживать.

Спорить я не стала. И не потому, что лень или устала. Хотя и это было бы правдой. Просто ощущала себя лишней, чувствовала, что больше мешаюсь под ногами, нежели помогаю. Потому, прихватив верхние пять книг из стопки, направилась на балкон. Что тут скажешь? Потрудился Гаред на славу. Ну и без все той же бытовой магии здесь явно не обошлось. Ставшие теперь белоснежными полы и поручни сверкали чистотой, аккуратненький столик и пара кресел так и манили к себе. Да я и не особо сопротивлялась, если честно. Вот только до книг дело так и не дошло. Сначала я рассматривала открывшуюся взору часть университетской территории, а потом как-то незаметно подкрался невероятно красивый закат...

— Фиета Алесандра, — выдернул меня из задумчивого созерцания красот голос Ризы. — Все уже готово. Вы на ужин не пойдете? Простите, но мы не успели ничего приготовить, — в ее голосе звучало раскаяние.

Услышав «Все уже готово», я даже предположить не могла насколько ГОТОВО! Моя комната не просто приобрела жилой вид, она стала уютной! Под потолком сверкали, излучая свет, начищенные до блеска хрустальные лампы, на всех окнах, даже на том, что занимало всю стену, появились легкие газовые занавесочки. Пол устилал неведомо откуда взявшийся нежно-бирюзовый палас. Появились письменный стол с очень удобным на вид стулом, по центру между входом в комнату и балконом, возле стены притулилась огромная, воистину королевских размеров кровать с балдахином, в уголке приютился небольшой столик со стоящими на нем графином и стаканчиками на сверкающе-чистом подносе. Имелся здесь и комод, и толькосейчас я заметила еще одну дверь, как оказалось, ведущую в гардеробную.

Заглянув в ванную, поразилась сиянию фаянса...

О еде как-то не думалось, больше беспокоило — успели ли обустроиться мои не в меру трудолюбивые работники? Как оказалось, и в просторном зале на выходе с лестницы, и в комнатах прислуги теперь царил порядок. Понимаю, конечно, что без магии здесь не обошлось, но все же в голове не укладывается: как за один день можно было привести в порядок это жуткое на первый взгляд место?! Вот и как после такого отправлять их обратно в замок? Нет уж, пусть лучше остаются. Да и убираться самой мне лень, если честно...

Вот с такими мыслями, блаженно растянувшись на мягкой постели, я и заснула.

Глава 4

Боевое крещение

Сон был сладок, но недолог. В какой-то момент появилось ощущение чьего-то пристального взгляда. Несколько раз включала свет, но никого в комнате не обнаруживала. Однако стоило погаснуть лампам, и вновь приходило чувство, будто я не одна. Нет, страха не было, но психологический дискомфорт был налицо. Прокрутившись полночи, вышла на балкон. В небе светят неимоверно яркие по сравнению с земными звезды и огромная луна, внизу стелется густой белый туман, в котором нет-нет да и мерещатся причудливые тени.

В голове роятся мысли. Вот интересно, почему отведенные для королевских отпрысков апартаменты ныне не просто пустуют, а пришли в явное запустение? Ясное дело, что использовались они не так и часто, ведь не каждые семь лет в королевской семье пополнение. Но сейчас-то всю мебель зачем-то не только вытащили, но даже разломали! Будто впредь никогда и никого не планировали сюда заселять.

И вообще, что я знаю о королевской семье? Да, они мои дальние родственники, которых я никогда в глаза не видела. Их род правит уже более трех тысячелетий. Почему-то в каждом поколении первенцами становятся мальчишки-близнецы, а потом рождаются только девочки. Однако проблем с престолонаследием нет. Их словно проклятие какое-то преследует: к моменту восхождения на трон всегда в живых остается только один из сыновей. Почему? Не знаю. Вроде учила историю, но вкратце же.

Например, у нынешнего короля — Феликса Железного — было два сына от первого брака: Франц и Редерик. Один погиб пятнадцать лет назад, второй исчез три года спустя после трагических событий. Ни самого принца, ни его тела найти так и не удалось. Не помогли ни чуткие носы гончих, ни следопыты, ни магия. Где это произошло? При каких обстоятельствах? История умалчивает. По крайней мере, мне это неизвестно. Как и то, кто из двоих умер, а кто пропал.

Правитель Элансии еще долгие годы вопреки всему продолжал поиски. А его супруга не вынесла потрясения: впала в беспамятство и вскоре скончалась. Король был вынужден жениться вновь. Династии нужен наследник, а надежда найти пропавшего сына растаяла за давностью лет и тщетностью поисков. Новая супруга несколько лет назад родила дочь, и... больше им не удавалось зачать. Ни лекари, ни магия не могли помочь правящей чете. Народ роптал в ожидании смены власти. Считалось, что мужчина, не способный продолжить свой род, не достоин править страной.

Дело в том, что система передачи титулов на Тарконе была довольно сложной в плане наследования имущественных прав, зато являлась линейной и не зависела от половой принадлежности (то есть сын или дочь графа обладали тем же графским титулом). Однако это правило не распространялось на королевскую семью, где король был один, а принцев и принцесс множество, но право на престол имели только представители сильного пола.

Насколько мне известно, обучение всегда проходил один из принцев. Почему? Второму не доживал до этого момента или же его оставляли при дворе набираться опыта в других областях? Интересно, бывшие студенты и есть те самые взойшедшие на престол короли, или же, наоборот, прошедшим обучение как раз не повезло и умирали именно они? И если прослеживалась какая-то вековая тенденция, почему не меняли привычную

последовательность действий? Почему не отправляли обоих принцев в универ? Или же, наоборот, не оставляли их во дворце? А может, и не было никаких смертей, и на самом деле они правили на пару, а наивный народ считал, что у власти один человек? Опять же, где и при каких обстоятельствах погиб предпоследний принц и исчез его брат?

Количество вопросов растет в геометрической прогрессии. Не исключено, что обычные обыватели не задумывались на эти темы. Это мой развращенный обилием информации мозг, взращенный в век цифровых технологий, выдает невероятное количество альтернативных вариантов развития истории. Но и приближенные короля ведь не глупцы. Кто-то что-то заподозрил бы, и... И что? Кто много знает, долго не живет. Хотя имею ли я право вешать ярлыки, толком не разобравшись в ситуации?

Как вариант, можно попросить книги по новейшей истории у маэстро Феофана в библиотеке. Кстати, почему его маэстро называют? Хотя это не столь важно. Ко мне вот тоже «фиета» обращаются, и я уже привыкла. Главное, что вряд ли он откажет после столь памятного представления. Спасибо Киру, блин.

И да, не очень хочется, но надо будет повидаться с новым и пока единственным знакомым. Порасспрашивать, вдруг слышал что-нибудь о последнем принце. Все-таки несколько лет обучения в универе должны были приоткрыть завесу этой тайны. Хотя... спустя двенадцать лет вряд ли все только об этом и говорят. Если он специально не интересовался, то скорее всего ничего не знает, но может попытаться выяснить при желании. Возникает закономерный вопрос: как это желание в нем пробудить? Ведь из очевидцев только домоправительница и преподы остались, а к ним еще подход найти надобно.

Кир вообще вызывает смешанные чувства, хотя знакомы мы всего лишь один день. Судить, наверное, рановато. Ведь я ничего о нем не знаю. Кто он? Сын простого крестьянина или рабочего, а может, аристократ? Деревенщиной от него за версту не несет, конечно, но за несколько лет обучения мог поднабраться манер. На первый взгляд, неплохой парень и с чисто женской точки зрения весьма симпатичный, но напрягает его стремление любым способом получить выгоду в любой ситуации. Началось с того, что в библиотеке без очереди пролез, и в столовой история едва не повторилась, а что будет дальше? Не люблю, когда во мне видят не товарища или друга, ну или девушку, а исключительно полезность и выгоду от общения со мной.

Но, увы, пока что других знакомых у меня нет. А учитывая мое привилегированное заселение, не факт, что удастся с кем-нибудь быстро подружиться. С одной стороны, ситуация вполне объяснима: куда еще селить девушку в набитом под завязку мужском общежитии? Не к парням же подселять? А может, они рассчитывали, что коль я местная, то вполне могу ночевать дома, ну или, учитывая наличие средств, сниму квартиру неподалеку от универа?

И опять мне чудится, будто кто-то смотрит на меня сзади. Оборачиваюсь — никого. Галлюцинации? Наверное, усталость и потрясения последних месяцев дают о себе знать.

С этими мыслями возвращаюсь с балкона в комнату. Глаза буквально закрываются, мысли тягучие, словно мед. В этот раз стоило коснуться подушки, и сознание тут же провалилось в глубокий, лишенный сновидений сон. Опять ненадолго. Просыпаюсь с тем же чувством, будто кто-то рядом. Щелкнула пальцами, включая свет. Удобно. В этот момент в действие вступают не технологии, а вездесущая магия, и воспользоваться этим нехитрым способом может каждый, вне зависимости от наличия дара. Но это философия, важно другое — ощущение постороннего присутствия исчезло.

Взглядом мазнула по стене, остановившись на довольно крупных настенных часах, напоминающих наши с кукушками, я похожие видела у бабушки моей подруги, еще там — на Земле. Только тут вместо механики, как всегда, магия. Пять утра, скоро рассвет. Что-то ночка беспокойная выдалась.

Встаю с постели воды попить, взглянула на противоположную стену, да так и шмякнулась обратно на кровать. В смысле — села. От... шока, страха... ужаса! Даже все имеющиеся волосы на теле зашевелились.

«Беги!» — гласила надпись на стене. И самым жутким было не то, что кто-то пробрался в мою комнату, пока я спала, и зло подшутил. Это могли сделать в то время, когда выходила полюбоваться звездами на балконе. Ведь именно тогда я в очередной раз ощутила на себе чей-то взгляд. Приблизиться к стене я так и не решилась, но почему-то была уверена — надпись сделана кровью! Не важно чьей. Главное, что кто-то мне угрожает...

Остаться в этом помещении и дальше не было сил, но и выйти из комнаты не хватает смелости. Тихо, украдкой добралась до кресла, на спинку которого брошена теплая накидка, в которой выходила на балкон. Набросив ее на плечи прямо поверх ночной рубашки, подкралась к двери. Стою, прислушиваюсь к окружающим звукам. Вроде бы никого там нет. Хотя как знать? Я ведь даже не заметила, как этот некто в мою комнату входил и выходил.

Взгляд упал на аккуратненькую кочергу возле камина. Метнулась к ней. И вот же странность, стоило почувствовать в руке тяжесть потенциального оружия, и уверенности тут же прибавилось. И не важно, что я вряд ли его пушу в ход. Главное — оно есть! Прижимаюсь к косяку, резко распахивая дверь. А у самой сердце в пятках. Хорошо хоть, не закрипела. Осторожно выглядываю из-за угла, благо свет на ночь никто не выключал. Оглядываю просторную гостиную. А там... никого.

Сама не заметила, как долетела до двери, ведущей к комнатам прислуги. При этом старалась держаться подальше от выхода на лестничную площадку. Вдруг злоумышленник там притаился? Заскочила внутрь, вздрогнув от грохота ударившейся о стену двери. И замерла, с опозданием осознав, что, во-первых, злодей мог прятаться именно здесь — в коридоре, на кухне или в ванной, как и в моем санузле, куда я, кстати, не додумалась заглянуть. Во-вторых, эта надпись может оказаться злой шуткой кого-нибудь из слуг. Хотя зачем им это? Да нет... Не может такого быть...

Стучаться к кому-нибудь не пришлось. Риза, как оказалось, спала достаточно чутко. Хотя тот грохот, с которым я ворвалась в их коридорчик, мог и мертвого разбудить. И все же я первым делом взглянула на ее руки. Чистые. Хотя спалиться на таких мелочах было бы верхом глупости.

— Фиета Алесандра?! — с удивлением возрилась на меня служанка. — Вам что-то понадобилось? — интересуется, а в голосе звучит искреннее волнение.

— Да... То есть... Там... — я вдруг осознала, как нелепо сейчас выгляжу.

— Что там? — сонно потирая глаза, уточнила Риза.

В тот момент я не нашла, что ответить, и лишь кивнула в сторону двери. Стоит заметить, от глаз женщины не укрылись как мой испуганный вид, так и зажатая в руке кочерга, тут же перекочевавшая к ней. Минуту спустя она уже успела разбудить Гаред, Мила же спала крепким беспробудным сном, и тревожить ее не стали.

Возвращалась в свою комнату с опасением, но без бывшего ужаса. Все же теперь я не одна. Внутри, как и думала, никого не оказалось. Гаред вошел первым, оставив нас возле распахнутых настежь дверей, и проверил все углы, ванную, гардеробную, шкафы и даже на

балкон заглянул.

— Никого, — произнес он.

А я вошла и...

— Вот здесь! — говорю, тыча в абсолютно чистую стену, без малейших признаков того, что здесь имелись какие-то надписи.

— Что здесь? — уставились на меня слуги.

— Там было написано: «Беги!» — отвечаю.

Риза лишь головой покачала, Гаред же подошел к стене. Посмотрел на нее и так и эдак, даже пальцем потер. Ничего.

— Верно, вам, фиета Алесандра, сон страшный привиделся, — говорит.

Мне даже стыдно стало: вдруг и вправду все это ночные грезы? А я людей разбудила из-за подобных глупостей.

— Ты иди, — молвила Риза, обращаясь к Гареду. — Я с фиетой посижу.

Заботливая служанка укладывала меня спать, как будто я малое дитя, а она любящая нянюшка. Стоило коснуться подушки и ощутить мягкое поглаживание по волосам, плюс тихий успокаивающий шепот, и я тут же провалилась в сон.

Проснулась рано. Не потому, что выпалась, просто-напросто яркие солнечные лучи заполонили всю комнату, и как я ни зарывалась под подушки, все равно ощущала их присутствие. К тому же птицы в парке разорались, ну и студенты от них старались не отставать. Осознав, что поспать больше не удастся, нехотя выбралась из-под одеяла, бросила взгляд на дремлющую в кресле Ризу и, стараясь не шуметь, тихонечко побрела в ванную.

Вода вмиг сняла бывшее напряжение, и даже страхи куда-то улетучились. Скорее всего, это действительно был всего лишь дурной сон. По мере того, как настроение начало подниматься, я, как всегда, начала напевать. Люблю это дело. Но при моих-то вокальных данных и полном отсутствии музыкального слуха, окажись я в общем корпусе, недоброжелателей нажила бы немало, а так... так никто мои завывания не слышит. Даже я. Ведь шум воды заглушает мое невнятное мурлыканье. Хотя кто знает? Может, снаружи что-то и слышно. Выskalзываю обратно в спальню, а там...

— Доброе утро, фиета, — поприветствовала меня Риза, успевшая к этому моменту не только проснуться, но и заправить мою кровать.

— Доброе, — бурчу в ответ, с опозданием осознавая, что мой концерт явно разбудил женщину.

От былой привычки после душа понежиться в кровати меня явно скоро отучат. Как-то неудобно внаглую шмякаться на гладко расстеленное покрывало. И еще стыдно за ночной переполох. Просыпалась ли я, или мне все привиделось, а может, просто кричала во сне, но в любом случае остаток ночи бедная Риза провела в кресле возле моей постели, а оно явно для этих целей не приспособлено.

— Доброго дня вам, фиета Алесандра, — слегка склонив голову, молвила женщина, собираясь уже покинуть мою комнату.

Бурчание в желудке напомнило о том, что я так и не поужинала. Еще и совесть зашевелилась, когда вспомнилось, что денег на продукты собиралась дать, да так и позабыла. Слуги ведь тоже люди и тоже хотят есть.

— Риза, — окликаю уже собирающуюся ретироваться женщину. — Вот возьми, — я отсыпала приличную сумму. — Закупите все необходимое.

Служанка кивнула и удалилась. Упаковавшись в наиболее приличное, по моим меркам,

платье, я направились в столовую, где надеялась якобы случайно столкнуться с Киром. Увы, не срослось. Учитывая ранний час, в столовом зале почти никого не было, а немногие присутствующие не обратили на меня ни малейшего внимания. Чему я, в принципе, была даже рада. Наскоро перекусив, шмыгнула к дверям библиотеки. Закрыто.

— Вот черт! — вырвалось у меня.

— Не подобает девушке вашего происхождения сквернословить, — донесся немного скрипучий голос из-за спины.

— Доброго вам дня, маэстро Феофан, — произношу, еще не успев обернуться.

— Зачем пожаловали в столь ранний час? — поинтересовался позвякивающий связкой ключей пожилой человек. — Неужели учебник какой-то забыл выдать? — с искренним удивлением спрашивает.

— Нет, что вы, — отвечаю, хотя понятия не имею, все ли книги получила.

— Тогда чем обязан чести лицезреть юного отпрыска рода Лорентайн?

— Меня интересует литература по новейшей истории, — поясняю цель своего визита.

— Так у вас же есть, — старичок даже запнулся на входе в святая святых. — Или вас интересует что-то определенное.

— Да, — признаюсь. — История королевского рода за последние полвека, если таковая имеется.

— Отчего ж не иметься? — пожал сутулыми сухенькими плечиками библиотекарь. — Есть, и много. А что конкретно вас заинтересовало?

И тут я решила: была не была!

— А вы случайно не помните последнего учившегося здесь принца?

— Я, конечно, стар, но склерозом не страдаю, — кажется, оскорбился маэстро.

— Извините, — только и смогла пробурчать я.

— Да ладно, — махнул он, приглашая меня присесть в одно из кресел возле библиотекарской стойки, а сам направился назад и запер дверь изнутри. — И по какой же причине вас заинтересовал Редерик?

«Хм... вот уже кое-что и выяснилось», — мысленно потерла я руки.

— На каком курсе он был, когда исчез? — спрашиваю, не исключая, что к тому времени он мог давно закончить обучение.

— На первом, — как-то странно склонив голову и наблюдая за моей реакцией, отвечает маэстро. — Как раз на третью годовщину со дня смерти Франца.

— То есть прямо день в день? — вылупилась я на старца, а тот лишь кивнул и вопросительно бровь приподнял, явно удивляясь моему интересу к столь давней истории. — Понимаете... меня поселили в его комнату...

— Поня-я-ятно, — протянул старик. — Приведение появилось, что ли?

— Нет, что вы! — несколько смущенно выпалила я. Для меня это казалось слишком нереальным. — Сны странные снятся.

— И что же ты видела, девочка? — присаживаясь рядом со мной, интересуется библиотекарь.

Ну я и рассказала. Да, было стыдно признаваться, что, как дитя малое, кричала во сне и перебудила всю прислугу. Как, собственно, смущал и сам факт наличия той самой прислуги. Не привыкла я к этому. Хоть два месяца в замке и прожила, а менталитет российского человека никуда не делся. Ведь несмотря на состоятельность нашей семьи там, на Земле, мы по ставшим теперь вполне понятным причинам никогда не пользовались услугами

домработниц и прочих наемных работников.

— М-да... — по-стариковски пошамкав губами, многозначительно выдавил маэстро Феофан и тут же потянулся к амулету связи, болтавшемуся у него на шее. — Вал, можешь заскочить ко мне? Угу. Да. Тут есть кое-что интересное.

Кто такой этот Вал и что здесь такого интересного, я спросить не успела: рядом вспыхнул оранжевым огнем портал межпространственного перехода. Да, имелись здесь такие, и я даже успела пару раз увидеть его в действии, но сама пока что не пользовалась — магией не доросла, собственно, как и все мои родные. Хотя чему тут удивляться, если находишься в мире магии? В общем, возле нас очутился высокий статный брюнет лет сорока на вид. Хотя глазам в вопросах определения возраста я с некоторых пор не доверяла.

Мужчина оказался магистром и в перспективе моим преподавателем по основному профильному предмету — менталистике, то есть на нашем факультете он вел теоретическую и практическую ментальную магию. Меня, в свою очередь, тоже представили. Стоит заметить, Валеин Тоширский, как звали педагога, был удивлен и даже несколько возмущен из-за того, что его не успели оповестить о зачислении девушки на факультет.

Пришлось повторно пересказать свой сон. На какое-то время в библиотеке повисла тишина. Затем меня повторно протестировали. Это чем-то напоминало вступительный экзамен. Казалось, педагог не верил в мои способности, но в результате изнурительной полуторачасовой проверки был вынужден признать их наличие. Потом он задал несколько уточняющих вопросов.

— Пока рано делать выводы, — задумчиво молвил преподаватель. — История с исчезновением принца, как ни крути, очень странная. Алесандра, у меня к вам просьба: если увидите еще что-то, будьте добры первым делом оповестить меня. Ну а остальным желательно об этом вообще не знать. Прислугу тоже предупредите, чтобы не болтали. Если мы действительно имеем в наличии призрак Редерика и он пытается наладить с вами контакт...

Вот же вцепились в эту идею с призраком! Сколько ни толкую им, что никаких призраков я не лицезрела, просто во сне ощущала на себе чей-то взгляд и всего лишь видела впоследствии исчезнувшую надпись на стене.

— Да не было никакого призрака! — не выдержала я.

— А об этом, фиета, еще рано судить, — строго взглянул на меня преподаватель. — Как показала проверка ваших способностей, вы обладаете очень высокой чувствительностью к разного рода ментальным колебаниям в окружающей среде. Дело в том, что все окружающее нас пространство представляет собой не что иное, как магический эфир. Эх... это же основы не на несколько лекций, а целый курс... Феофан, может, дать девочке тот древний фолиант по основам ментала?

— Но... он же запрещен!

— Запрещен — да, — вздохнул магистр и прошел куда-то вглубь библиотечного фонда. Постоял немного, словно о чем-то вспоминая, коснулся корешка какой-то книги и замер в нерешительности. Тут же мотнул головой, будто сам для себя решил чего-то не делать, и вытащил какую-то из книг с полки пониже. — У вас два дня до начала занятий. И вот вам первое вводное задание, юная леди. Прочитать и написать краткий отчет. Как по книге, так и по новому видению ситуации. А оно, поверьте мне, в корне изменится. Не сопротивляйтесь, — заметив, что я вылупила глаза, получив внеплановое задание, он прервал готовые вырваться слова. — После его изучения вам будет гораздо легче в процессе

обучения, нежели однокурсникам. Единственной девушке на курсе будет нелегко. А так вы будете иметь козырь в рукаве...

Он говорил что-то еще, а я уже осторожно перелистывала появившийся в моих руках, словно из ниоткуда, пожелтевший от времени талмуд. Непонятно — зачем уговаривать, искать обоснования и доводы, если можно было просто дать задание? Хотя в чем-то он прав, первая моя реакция была именно возмущением. В той, прошлой жизни, на Земле, я бы взвыла, если бы препод дал мне внеплановое задание, но здесь я была заинтригована словами о том, что учиться станет легче. Вот только не отпускало ощущение, что, говоря это, он смотрел на ту книгу, которую так и не решился снять с полки. Я запомнила место, где она стоит. Если не ошибаюсь, это довольно древний фолиант. Что же в нем за тайны скрываются, если он запрещенный?

Да, понимаю, что нехорошо, не успев поступить в вуз, строить планы о том, как выкрасть книгу из библиотеки, но кто ж в здравом уме и при наличии здорового любопытства откажется ознакомиться с ее содержанием?

Думала я об этом, увлеченно листая полученный учебник. Заметивший мою явную заинтересованность преподаватель остался доволен своим наблюдением. Объяснив, где его в случае необходимости можно будет найти, он распрощался и, активировав портал, покинул помещение. Тем временем из-за дверей библиотеки уже доносился приглушенный гомон толпы.

— Ох... заставили мы их подождать, — спохватился маэстро. — Ступайте, Алесандра. И помните, эта книга не входит в программу, но сможет облегчить вашу дальнейшую жизнь в университете, — добавил он.

— Спасибо, — как-то робко отвечаю, ища повод остаться внутри. — А можно я здесь посижу, почитаю? У меня еще уборку не закончили, а на улице пока прохладно, — на ходу соврала я и с облегчением заметила взгляд библиотекаря, направленный на один из столиков.

Стоило открыться двери, и внутрь хлынул поток студентов. Внутри сразу же стало шумно, и в какой-то момент я даже пожалела об опрометчивой просьбе почитать тут, но и уходить было уже поздно. Сажу. Сосредоточиться довольно сложно, но я честно пытаюсь, раз за разом перечитывая один и тот же абзац:

«Менталистика — наука, изучающая тонкие слои энергетики, называемой аурой или менталом. Ментал можно научиться распознавать — видеть, анализировать его изменения и устранять возможные искажения или последствия внешнего вмешательства, а также оказывать воздействие с целью изменения характеристик...»

— Бр-р-р... — после десятой попытки осознать прочитанное я сдалась и уже хотела встать и уйти, но меня осенила идея. — Маэстро, — тихонько позвала я закопавшегося в бумагах старца, возле которого толпились жаждущие получить учебники студенты. — Может, вам помочь? — предлагаю, запихивая книжку в сумочку на длинном ремешке, перекинутом через плечо.

— Где ж это видано, чтобы кто-то из вашего рода...

— Не думаю, что это будет так уж сложно, — стараясь не выдать своего нетерпения, пожала плечами я.

— Ну, как знаешь, — как-то уж слишком легко согласился библиотекарь и протянул мне листочек. — Вон там, видишь, написан номер стеллажа? — спрашивает, я киваю. — Первая цифра — это он. Вторая — номер полки. Третья — единица или двойка — это левая или правая сторона соответственно. Четвертая — это номер этажерки внутри стеллажа. Видишь,

каждый из них разделен горизонтально?

— Ясно, — уже не столь и уверенно отвечаю я.

— Ну вот и чудесно, принеси двадцать комплектов по этому списку, а как управишься, дам новый, если не устанешь.

Сверившись с данными на листочке, с грустью осознала, что искомые книги совсем в другом направлении, но делать нечего, иду собирать. Особых проблем у меня не возникло, хотя от пыли я уже раза три успела чихнуть. Оттащив последнюю, двадцатую, стопку, с надеждой взглянула на маэстро.

— Молодец, — похвалил тот и вручил мне новый листочек.

Блин. Опять не повезло. Так я пробежала еще около часа, и наконец-то удача мне улыбнулась. Или это маэстро потерял бдительность? Нет, требуемые книги были не совсем там, где мне нужно. Вернее, на том же стеллаже, но с другой стороны и на другой полке. Заметив, что библиотекарь увлеченно заполняет формуляры, я сделала вид, что нечаянно сняла несколько книг не с той полки...

Дело в том, что стеллажи были сквозными и, например, подойдя к стеллажу с правой стороны, можно было, сняв несколько книг с полки, добраться до стоящих слева. Нужный мне фолиант очень отличался от остальных. Осторожно косясь в сторону библиотекаря и почему-то затаив дыхание, дрожащими руками достаю ставший столь вожделенным талмуд. Стараясь сделать это незаметно, перетаскиваю сумку, болтающуюся за спиной, на бок и запихиваю в нее трофей.

Все эти манипуляции я проделывала, так и не решившись вздохнуть и не отрывая глаз от спины библиотекаря. Трясущимися от волнения руками не без труда впихнула на место ранее вытащенные книги. Собрала первую стопку по списку. И на подгибающихся ногах, будто к эшафоту, побрела к библиотечарской конторке. Казалось, вот сейчас маэстро повернется, возьмет в руки мою сумку и вытряхнет ее содержимое на пол, уличив меня в воровстве. Вот позорище-то будет!

Пронесло. Еще не до конца поверив в то, что угроза разоблачения миновала, я натащила все, что требовалось по списку, и, несмотря на то, что у меня уже земля под ногами горела и хотелось кричать самой себе: «Беги!» — я все же выполнила еще одно задание, после чего маэстро окинул взглядом существенно поредевшую толпу и сказал:

— Благодарю, фиета, что бы я без вас делал. Но теперь я уже справлюсь, а вы идите, вам еще задание выполнять, — с какой-то таинственной улыбкой произнес он, и мне почудилось в его взгляде тщательно скрываемое, но все же пробивающееся наружу удовлетворение.

Надо же, не думала, что такая вот незначительная помощь сможет осчастливить этого пожилого человека. В тот момент, когда я, все еще опасаясь разоблачения, робко подходила к выходу, двери распахнулись и внутрь ворвалась очередная стайка студентов. Немного переждав, когда все желающие войдут внутрь, я выскользнула на улицу. Мне не терпелось узнать, какие тайны хранит эта древняя даже на вид вещь. И еще было жутко интересно — почему она запрещена? А еще... еще не отпускало ощущение, что магистр не случайно дал знать об этой книге, а маэстро... столь ли он наивен? Ведь наверняка догадался, почему я осталась и напросилась в помощники... Хотя... может, зря я так о них и все это действительно чистой воды случайности?

В таких вот размышлениях я и взлетела на свой привилегированный чердачный этаж, который мысленно прозвала пентхаусом. Стоило войти и сразу же в глаза бросились произошедшие за время моего отсутствия изменения: первый просторный зал из которого

двери вели в мою спальню и в комнаты слуг, превратился в уютную приемную. Откуда-то появились с десяток удобных на вид кресел, пара банкеток, невысокий столик. На окнах теперь висели шторы, а пол укрывал невесть откуда взявшийся палас. В общем, у меня не прислуга, а волшебники! В прямом смысле этого слова. Здесь не стыдно будет и высокопоставленных гостей принимать. Хотя откуда им взяться?

Наконец-то очутившись в своей комнате, я вытащила из сумки книгу и, упав в кресло, принялась читать. Ну что сказать? Читиво захватило меня с первых же строк. Эх... если бы наши земные авторы учебников умели так увлекательно и доходчиво излагать материал! Одно непонятно — за что эта книженция попала в немилость? Я глотала страницу за страницей, хотя прежде скорочтением не отличалась, и ничего криминального не находила.

Мне казалось, что знания буквально впитываются в мой мозг. Ни разу не пришлось что-либо перечитывать, чтобы понять, настолько легким был язык повествования. В какой-то момент заглянула Риза, спросила про обед. Я лишь отмахнулась. Женщина, понявшая, что сама никуда не пойду, притащила поднос с едой. Очевидно, они уже успели наведаться на рынок. Я глотала пищу, не ощущая вкуса и не выпуская из рук заветный талмуд. В принципе, в этом-то ничего удивительного не было. Мама вечно ругала за то, что, зачитавшись чем-нибудь увлекательным, я забывала про сон и еду. Вот и сейчас точно так же.

По мере поступления новой информации я пыталась что-то опробовать: почувствовать энергию разных материалов, увидеть оставляемый в эфире магический след от элементарного движения руки. Пару раз подходила к окну и, наблюдая за прогуливающимися по парку студентами, разглядывала их ауру. Интересно-то как! Вот почему я раньше ничего этого не замечала? А ведь всего-то и требовалось — смотреть немного рассеянным взглядом и знать, что именно желаешь увидеть!

— Фиета Алесандра, там давешний ваш знакомый пришел, — выдернула меня из очередного эксперимента Риза.

— Мм... — я даже растерялась. — Сейчас выйду, — отвечаю, а сама, метнувшись к постели, прячу уже наполовину (!) прочитанную толстенную книгу.

Сосредоточиться на общении с приятелем оказалось несколько затруднительно. Хотелось повыспрашивать о принце, о том, как он исчез, но, к сожалению, мне запретили. Приходится молчать, довольствуясь той информацией, которую выдали мне библиотекарь и менталист. Еще и зрение нет-нет да и рассеивается, давая возможность рассмотреть ауру посетителя. Эта несложная тренировка оказалась на удивление увлекательной. Ведь по изменениям в окружающем человека ментальном слое можно было понять, какое у него настроение, заметить попытку солгать и много чего еще. Но пока что дается это не так и легко, к тому же надо научиться это делать, не привлекая внимания и не забывая вовремя отвечать на вопросы или вообще хоть как-то реагировать.

В дальнейшем, как я уже знала, опытный менталист может незаметно влиять на структуру окружающего подопытного магического эфира, воздействуя на его ауру. Таким образом можно излечивать болезни, снимать стресс и напряжение или же, наоборот, спровоцировать агрессию, нервный срыв или заболевание. В общем-то, все суеверия теперь обретали вполне закономерное обоснование. Я с увлечением провоцировала Кира на проявление тех или иных эмоций. И даже умудрилась вызвать зуд в руке. После чего едва не запрыгала от радости, заметив, как он почесывает конечность! Кто бы мог подумать, что это так легко! Хотя скорее всего виной всему очень уж доступно изложенная информация в древнем учебнике.

— Эй, ты меня слышишь? — кажется, уже не в первый раз спрашивает Кир, и я вновь киваю, как болванчик. — Так ты пойдешь?

— А?! — наконец-то осознав, что пропустила нечто важное, спохватилась я.

— Бэ! — передразнил явно слегка обиженный приятель.

— Прости, задумалась, — виновато потупив взор, произношу я.

— Знаешь... вот этот твой рассеянный взгляд, изменения в магических полях вокруг тебя и невероятная задумчивость... Все это напоминает мне одно крайне редкое проклятие, — неожиданно произносит Кир. — То есть я никогда не встречал никого, оказавшегося под его влиянием, только в теории проходил в прошлом году.

— Что?! — воззрилась я на него. — К-какое еще проклятие?

— «Жажда знаний», — вполне серьезно отвечает тот.

— Шутник, однако...

— А это не шутка и вовсе не смешно. Человек, попавший под его воздействие, забывает обо всем на свете, желая только одного — знаний.

— Блин, ну ты и напугал, — облегченно вздыхаю, по-прежнему не воспринимая его слова всерьез.

Ясное дело, он еще не настроен на учебу, а тут сидит этакая ботаничка с фанатичным блеском в глазах.

— Ай, ладно, — отмахнулся он, видимо, осознав тщетность своих попыток достучаться до моего разума. — Говорю, сегодня ребята будут отмечать начало нового учебного года. Это традиция. И даже преподавы на это дело сквозь пальцы смотрят. Будет весело. Пойдешь?

— Не-е-е... — тут же отнекиваюсь, прекрасно помня, что меня, помимо вожденного талмуда, еще одна книга ждет, по которой еще и отчет написать надо.

— Ну и зря. Так был шанс стать своей...

— Среди чужих, — процитировала я вспомнившуюся крылатую фразу. — Нет уж, Кир. С однокурсниками я успею познакомиться и так, а на вечеринках немного не те знакомства заводятся, которые мне в процессе обучения нужны будут. Пойми, я сюда не личную жизнь устраивать пришла, а, наоборот, оттянуть оное хотя бы на срок обучения в универе.

— Это-то и странно. Девчонкам вечно только бы замуж выскочить. Не успеешь на первое свидание пригласить, а она уже спрашивает, кого ты больше хочешь: мальчика или девочку? Так ты точно не пойдешь? Говорят, на факультет боевиков поступил племянник самого короля! Может, стоит пересмотреть свои взгляды и пойти?

Хм... очередной королевский родственничек, что ж его-то сюда не подселили? Неужели из-за того, что он на другом факультете? «Беги!» — вспомнилось выведенное на стене слово. Мог он так пошутить? Может, хотел занять эти апартаменты, а я опередила? А если действительно существует призрак Редерика, то не исключено, что он действительно пытался меня предостеречь, как выразился магистр Валеин. Но от чего? Или от кого?

— Думаю, на его долю и без меня потенциальных невест хватит, — стараясь выглядеть беззаботно, отмахнулась я, и, судя по ауре, Кир был искренне удивлен моей реакцией.

— Ну как знаешь, — сдался гость и, распрощавшись, наконец-то оставил меня наедине со своими мыслями.

А подумать было над чем. И о том, что услышала в библиотеке, и о том, что рассказывал сегодня Кир, ну и, конечно же, о книге и ее невероятно увлекательном и полезном содержании. Проклятие «жажда знаний», блин. Тоже мне, остряк нашелся.

Зачиталась до глубокой ночи. Заботливая Риза принесла ужин, который я точно так же,

как и обед, проглотила, не особо разбираясь, что именно ем. Откуда-то из парка доносились веселые вопли подгулявшей молодежи, но меня туда не тянуло, наоборот, раздражало то, что мешают как следует сосредоточиться.

Заснула я поздно, и вновь повторилось все с точностью до мелочей: ощущение чьего-то взгляда, надпись на стене. Но в этот раз страха не было, вместо него пришли нездоровый порыв энтузиазма и желание поэкспериментировать, используя кое-какие почерпнутые из книги знания. Вместо того чтобы в панике нестись за прислугой, я подошла и, почти касаясь надписи, попыталась ощутить энергию. Она чувствовалась как очень слабое, почти неразличимое изменение магического эфира. И постепенно надпись истаяла, не оставив и следа.

Интересные мне сны снятся. Слишком уж реалистичные по ощущениям. Хлопнув в ладоши, я погасила свет и из-под полуприкрытых век осмотрела помещение. В дальнем углу, откуда мгновение назад чудился обращенный мне в спину пристальный взгляд, различалось едва уловимое мерцание. Неужели действительно призрак?

— Редерик? — позвала я.

Свечение всколыхнулось, постепенно становясь все более отчетливым, пока не обрело вид вполне симпатичного молодого человека. Вот только выглядел он, будто я смотрела старинное черно-белое кино, с одним-единственным отличием: по контуру его фигура излучала слабое сияние.

И все же я трусиха. Стоило призраку двинуться в мою сторону, и я... ощутив приступ неимоверной слабости, провалилась в небытие.

Глава 5

День знакомств и открытий

Утром все повторилось: хотелось спать, но солнце упорно давало о себе знать. Как я ни пряталась под одеяла и подушки, все равно ощущала его лучи. Еще и птицы в парке перекличку устроили, благо студентов сегодня не было слышно — видать, отсыпались после ночного загула. Стоило открыть глаза, и я, в очередной раз ощутив угрызения совести, увидела спящую в кресле Ризу. Видимо, снова кричала во сне, переполошив слуг, хотя до появления призрака мне и казалось, что спокойна...

Тихонько проскользнув мимо спящей женщины, наскоро умылась и, быстро переодевшись, выскользнула из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь. По идее, разбудить бы служанку, чтобы та, как человек, пошла поспала на кровати, но я еще там, в замке, заметила — стоит господам проснуться, и слуги ни за что не прилягут, как бы измотаны они ни были. Так что пусть уж хоть так поспит.

В этот раз в столовой студентов вообще не было. Отсыпались. Зато стоило войти в зал, и я тут же получила приглашение присоединиться к столику, за которым сидели маэстро Феофан и магистр ментальных наук.

Тут же начались допросы и расспросы. Рассказала все как на духу. В смысле о ночных приключениях. И добавила:

— А еще мне приятель один заявил, что на мне проклятие «жажда знаний»! Вот юморист.

Мои сотрапезники при этих словах как-то странно переглянулись. Маэстро так вообще вилку выронил и, схватившись за стакан, залпом выпил весь компот. А магистр на него так зыркнул, что, казалось, мог и дыру прожечь взглядом.

— Как ты это допустил? — процедил сквозь зубы преподаватель, явно обращаясь к товарищу.

— Что — «это»? — как-то робко проблеяла я, ощущая, что щеки вспыхивают.

— Та книга, — сжав губы в тонкую линию, холодным как лед голосом молвил менталист. — Она у тебя? — его взгляд вперился в меня так, будто видел все насквозь. — Да. У тебя, — ответил он вместо меня. — Феофан, чем ты думал, пуская ее в библиотечный фонд? Разве не понятно, что нет ничего более желанного, нежели запрещенное?

Я вся сжалась в ожидании нагоняя, но пока что влетало только библиотекарю, который странно мялся и отнекивался. И вообще, откуда такая уверенность, что книга у меня? Я ведь так ничего и не сказала!

— Да не надо мне ничего говорить, — будто прочитав мои мысли, выдохнул магистр. — Для меня ты как открытая книга.

— Когда смотришь ему в глаза, — добавил маэстро, за что тут же удостоился очередного испепеляющего взгляда менталиста. — Ну что теперь руками махать? — воззрился на своего товарища библиотекарь. — Ты сам виноват. Нечего было и заикаться о ней. А так... это было всего лишь дело времени, рано или поздно она бы до нее добралась.

— Ты вообще давным-давно должен был от нее избавиться! — немного приглушенно воскликнул магистр. — Ну или убрать с глаз долой.

— Ой-ой... — закатил глаза к потолку библиотекарь. — Не перекладывай с больной

головы на здоровую. Сам виноват не меньше моего. Так что смиришься. Лучше объясни девочке, во что она вляпалась благодаря своему любопытству.

Да уж, видимо, скрывать свое участие в исчезновении книги уже бесполезно. Наверняка после вчерашнего маэстро решил ее спрятать, но не нашел. В принципе, это не его вина.

— Магистр Валеин, извините, но маэстро Феофан действительно ни в чем не виноват...

— Я знаю, что ты сделала, — обрезал менталист. — Но и он не школяр, чтобы на такую мякину купиться.

— Ладно. Делайте со мной что хотите. Хотите — отчислите, и меня выдадут замуж за какого-нибудь высокопоставленного старика, хотите — накажите, хотите...

— Никто не будет тебя уличать, — вздохнул вмиг растерявший свой гневный вид магистр. — Все мы хороши. Феофан хранил запрещенную книгу. Я, увидев ее, сам того не желая, привлек к ней твоё внимание. Ты ее украла...

— Взяла без спроса, — поправил его библиотекарь.

— Пусть так. Не суть важно, — с легкостью согласился магистр. — Поверь, если произойдет огласка, из универа вылетит не только ты. Вылетим мы все трое. Так что в наших интересах молчать.

— Согласна! — тут же выпалила я и с некоторым облегчением спросила о наболевшем: — Так почему она запрещенная? Я вот читаю и ничего такого не вижу...

— Потому, — буркнул магистр.

— Почему — потому? — не поняла я.

— Потому что в текст первых фраз проклятие вплетено.

— То есть это, типа, не шутка была? — смотря то на одного, то на другого, уточняю я, а те лишь глаза отводят. — И что со мной будет?

— Пока учишься — ничего плохого, — произнес библиотекарь.

— А потом?

— Семь лет — достаточный срок, чтобы найти способ избавиться от помогающего в учебе проклятия, — скороговоркой, будто боясь, что его перебыют, выпалил менталист.

— Так в чем оно заключается-то и чем так страшно?

— Только тем, что, вечно черпая знания, ты не сможешь устроить свою личную жизнь, — ответил маэстро Феофан.

— Да я как-то и не стремлюсь...

— Это пока, — как-то грустно вздыхает он.

— Мы в свое время так же рассуждали. Когда-то вполне осознанно и он, — магистр Валеин взглянул на старика, — а позднее и я изучили эту книгу. Да, без лишней скромности можно признать — мы были лучшими студентами не только на своем потоке, но и за многие десятилетия, если не больше. Однако... к тому моменту, как захотелось просто жить, мы уже не могли ничего с собой поделаться. И всех наших знаний так и не хватило на то, чтобы избавиться от проклятия. Чувства нам не чужды, но мы не способны дать любимым то, чего они хотят от взаимоотношений.

— Мм... — опешила я от подобных откровений. — То есть мужчины не могут... а женщины-то чего?

— Вы не о том подумали, фиета, — смутился педагог. — В плане интимных отношений проблем нет, а вот личные... Роман можно завести, но, увы, он будет недолгим. Вечная увлеченность не позволяет заметить тот момент, когда ваша пассия устанет от того, что для вас важнее книги и знания. В итоге, проклятый не ощущает ничего, кроме душевных

терзаний.

— То есть я обречена на то, чтобы стать книжным червем? — я вспыхиваю и тут же смущенно добавляю: — Ой... простите...

— Не стоит так жестко классифицировать перспективы, — успокоил меня менталист. — Вы, Алесандра, обладаете очень хорошими изначальными данными. Гораздо более высокими, нежели были у нас. Скорее всего, вы станете преуспевающим практиком. Возможно, именно вы сможете избавить нас от проклятия, ну и себя при желании. Вот такая правда жизни.

— Мы, помнится, мечтали, что останемся при универе, найдем способ избавиться от проклятия и тогда можно будет всем студентам давать эту книгу, чтобы успеваемость улучшилась, а по окончании обучения снимать заговор. Но, увы, — вздохнул библиотекарь и добавил: — Мы находимся под его влиянием уже почти две сотни лет.

— Две сотни? — воззрилась я на них. — А вы что, и учились вместе?

Все эти «мы» никаких иных мыслей не вызывали, но внешне-то один был сухим древним старцем, а второй вполне крепким солидным мужчиной. Еще и речи про почти двести лет, проведенных под действием проклятия.

— Да, мы с детства дружили, — откликнулся препод. — Просто Феофан потерял надежду и постепенно позволил себе выглядеть так, как сейчас, а я... я все еще надеюсь, что успею пожить в свое удовольствие, познать счастье семейной жизни. Думаю, тебе не надо объяснять, что все эти разговоры должны остаться строго между нами?

— Само собой, — все еще переваривая полученную информацию, буркнула я.

М-да уж... Нет, пока что я не против. Личную жизнь в ближайшее время налаживать я не собираюсь, а отказываться от возможности стать лучшей на факультете, как минимум, глупо. Злиться тоже бессмысленно. Говорят, что принятый алхимиком яд — лучший стимул для поиска противоядия. Так вот, проклятие — это тоже верный способ найти способ от него избавиться. И, судя по аурам, они искренне сожалеют о случившемся. Выходит, зря я заподозрила маэстро, видимо, он действительно в суматохе не заметил мой маневр. Да и поздно крыльями махать, сделанного не воротишь.

— И не пугайтесь призраков, — напутствовал меня Феофан. — Они бестелесны. Просто сгусток беспомощной энергии. Встречаются, конечно, и иные, более агрессивные формы, но эта песня явно не про Редерика, скрывавшегося ни много ни мало двенадцать лет. Если бы он мог... если бы желал творить зло, о нем давно стало бы известно.

Стоило открыть дверь столовой, и в лицо ударил порыв совсем не по-осеннему разогретого воздуха. Благо путь до общежития был недолог, мало приятного прогуливаться под палящими лучами солнца. Удивительно, как при таком климате растительность умудрялась оставаться зеленой и сочной. Наверняка и здесь без магии не обошлось.

До своей комнаты я добралась без лишних хлопот, только и успела в холле общежития поздороваться с домоправительницей. Ризы в спальне уже не было. Это порадовало. Не хотелось показывать, где именно я храню заветный талмуд, а ждать ухода служанки не хватило бы терпения.

Вот только жаль, что на главный мой вопрос никто ответить не сможет: ни педагог, ни библиотекарь, ни заговоренная книга. Я ведь почти поверила в свою избранность: данные хорошие, Редерик решил наладить связь именно со мной, вот и преподаватель теперь надеется, что я смогу стать великолепным практиком и найду способ снять проклятие «жажда знаний». Осознание всего этого дарует крылья и желание совершить что-то

невозможное. А вдруг все это всего лишь случайности и совпадения? Вдруг никакого призрака не существует, а есть только навеянные моей фантазией видения? Как же больно будет падать обратно на грешную землю.

[Купить полную версию книги](#)